

МЕРЦАНИЕ ЭКРАНА

Терри Пратчетт

Терри Пратчетт
Мерцание экрана

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Мерцание экрана / Т. Пратчетт — «Эксмо», 2012 — (Терри Пратчетт)

ISBN 978-5-04-111819-8

Дьявол нанимает рекламщика, чтобы популяризировать Ад. Писатель убивает опостылевшего персонажа, но следующим утром тот объявляется на пороге его дома. Незадачливые путешественники попадают в мир оживших рождественских открыток – и видят там то, что Лавкрафту не снилось. Волшебники Незримого Университета думают, как пережить проверку лорда Витинари, а капитан Моркоу решает проблему преступности среди анк-морпоркской молодежи. Встречайте сборник коротких историй сэра Терри Пратчетта: от фэнтези и стихов до научной фантастики, от первого опубликованного рассказа, написанного юным Терри в 13 лет, до отрывков, не вошедших в повести о Плоском мире.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111819-8

© Пратчетт Т., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Предисловие А. С. Байетт	6
Короткие произведения не о Плоском мире	9
Предприятие Аида	9
Разгадка	18
Картина	20
Принц и куропатка	21
Ринсмангл, гном с Ровной Пустоши	26
Дышите коротко и экономно	33
Сказание о Гластонбери	35
Хуже дурака только старый дурак, стоящий в английской очереди	38
Ку-ку, меня заменили птичкой	40
И помни о монолитах	42
Верхние Меги	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Терри Пратчетт

Мерцание экрана

Terry Pratchett
A Blink of the Screen

© М.К. Сороченко, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Спасибо моему старому другу и агенту Колину Смайту, потратившему немало сил и времени на изучение множества пыльных газет в поиске оставленных мною следов. Удивительно, но ему это действительно нравится...

Предисловие А. С. Байетт

Помню, как я впервые купила книгу Пратчетта (роман «К оружию! К оружию!») в книжном магазине на Слоун-сквер. Тогда мне отчаянно хотелось хотя бы психологически очутиться где-нибудь в другом месте, и яркая стопка романов о Плоском мире показалась мне подходящим для этого средством. Я принялась их листать. Не могу сказать, что обложки Джоша Кирби с его буйными драконами и розовыми пышногрудыми мультяшными женщинами были в моем вкусе. Но в конце концов меня покорило слово «Анк-Морпорк». Такое выдумать мог только настоящий писатель. К тому же в моем детстве существовал другой Плоский мир – в сборнике скандинавских саг была иллюстрация индийского мифа, повествующего о том, что земля балансирует на четырех слонах, стоящих на гигантской черепахе, обвитой змеей.

Притащив книгу домой, я проглотила ее залпом, и все – меня затянуло в этот мир с головой. Следом я купила оставшиеся книги и прочитала их по порядку. С тех пор каждое лето, обдумывая уже собственные книги, я перечитываю эти произведения заново. И каждый раз вдруг нахожу новую шутку, которую не поняла с первого раза. К тому же этим романам присуща совершенно необычайная сила повествования великого рассказчика. Позже я стала ценить и искусство Джоша Кирби. Его творениям свойственна разудалая энергия и замысловатость – как дерзкая, так и изощренная, – которая идеально подходит для иллюстрации этих историй.

Терри Пратчетт говорил, что его читатели – это люди, профессионально работающие с компьютерами. Но его романами не меньше увлекаются и мои друзья из литературного мира (однажды в книжном магазине, где я проводила встречу с читателями, мне пришлось очень вежливо выкручивать свежую книгу – кажется, это был роман «Вор времени» – из рук моего многоопытного и блестяще эрудированного редактора). А на прошлой неделе у меня состоялась интересная беседа с одним высоколобым философом о воображаемых мирах вообще и о Плоском мире в частности. А еще есть люди, которые в принципе не читают ничего, кроме Пратчетта. Например, мальчишки двенадцати лет, ненавидящие книги. Поэтому я надеюсь, что Пратчетт никогда не станут преподавать в школе – не случайно биография на обороте первых книг Пратчетта утверждала, что «некоторые люди считают это литературой». Безусловно, это литература, но такая, которой лучше всего наслаждаться в уединении и покое.

Дж. Р. Р. Толкин придумал термин «вторичный мир» для обозначения вымышленных фантастических миров с собственной географией, животными, историей и народами. Человечество всегда нуждалось в иных реальностях, где существовали бы воображаемые вещи и жили другие, отличающиеся от нас люди. Все это богато представлено в многочисленных произведениях – от сказок и мифов народов мира до городских легенд.

Создатель вторичных миров должен обладать неисчерпаемой изобретательностью – как в широком масштабе, так и в мельчайших деталях. Мир Пратчетта оттого и прекрасен, что его питает чистая энергия великого рассказчика: он показывает нам все, что мы хотим узнать о драконе, стражнике, сюжете или месте действия. Он рассказывает нам намного больше того, что мы могли ожидать, и это действительно производит впечатление.

От книги к книге Пратчетт становится лучше, а его мир – еще затейливее. Он сильнее привязывается к своим персонажам, которые становятся все более и более сложными: просто вздумайте, какой извилистый жизненный путь проходит капитан Ваймс – от горького пьяницы, возглавляющего деморализованную Ночную Стражу, до командора, способного арестовать одновременно две армии за нарушение мирного договора. Пратчетту становится все труднее испытывать неприязнь к придуманным им образам. Он может изобрести причудливые второстепенные формы жизни: например, принадлежащего Ваймсу бесенка из «Груши» (он же персональный бес-органайзер), чье существование искупается его способностью вести офис-

ную канцелярию; или бухгалтера по имени Э. И. Пессимал, посланного проинспектировать Стражу и в конце концов ставшего героем. (Википедия постоянно объясняет мне Пратчетта. Вот я, например, не знала, что слово «пессимальный» означает «плохой в максимально возможной степени» или «не обладающий достаточным качеством или ценностью».) Но под его пером может рождаться и настоящее зло: взять хотя бы господина Кнопа, негодяя из романа «Правда», или главного квизитора Ворбиса из «Мелких богов» – обоим свойственны беспощадная целеустремленность, настоящая жестокость и ограниченный взгляд на жизнь, изменить который не дано никому.

Как говорил Толкин, вторичные миры должны быть гармоничными. Всегда существует риск, что создатель ударится в романтику или захочет оказать воздействие на читателя – дидактическое или сентиментальное. Я перечитывала Толкина ради пейзажей и постоянного ощущения опасности и всегда испытывала проблемы с произведениями об обычных детях, оказавшихся во вторичных мирах. Дж. К. Роулинг блестяще проработала магию в своем произведении, но ее мир берет начало в школе-интернате, в которую мне совсем не хочется возвращаться. Мне никогда не нравился К. С. Льюис, поскольку я чувствовала, что он пытается морально манипулировать как мной, так и персонажами. Филип Пулман пишет красиво и драматично, но он постоянно полемизирует с Льюисом, отчего рискует сорваться в ту же дидактичность и родительский контроль. Пратчетт же, несмотря на подчеркнутую буффонаду и совершенно кошмарные или, наоборот, чрезмерно сложные для понимания шутки, каким-то образом демонстрирует взрослую мудрость. Как читательница я ему доверяю.

Как-то раз один телевизионный интервьюер спросил меня: «Разве все это не про нас самих?», и я с негодованием ответила: «Нет!», потому что мне важно, чтобы мой вторичный мир был другим – отдельным от меня, но при этом гармоничным. Но следует все же признать: Пратчетт пишет о нас. Он одинаково хорошо разбирается как в полицейских, бизнесменах, мошенниках, убийцах, банках, акциях и музыке, так и в гоблинах, ведьмах, драконах, троллях и гномах. Ну и, конечно же, в компьютерах. Но то, что он пишет, нельзя назвать ни сатирой, ни аллегорией. Все, что он помещает в свой мир, потом *живет* в этом мире – по своим собственным энергетическим и логическим законам.

Многие рассказы, собранные под обложкой книги «Мерцание экрана», описывают вторжения из вторичных миров в наш. Писатель-фантаст убивает героя-варвара, а потом встречает его на пороге дома, когда тот приходит познакомиться со своим создателем. Смерть пляшет на дискотеке. Первый рассказ, «Предприятие Аида», был написан Пратчеттом в тринадцать лет. Речь в нем идет о вторжении дьявола в квартиру рекламщика. Пратчетт извиняется за свой первый опыт, но нельзя не увидеть в нем очень бодрый темп и неплохую концовку. Впрочем, всем его рассказам свойственны крепкие концовки. Особенно мне нравится тот, который основан на реальном инциденте 1973 года, когда из перевернувшегося в Голливуде грузовика выпало несколько ящиков с цыплятами, и они поселились в кустарнике. А еще мне симпатична странная история, в которой отчаявшиеся путешественники оказываются заперты в мире викторианских рождественских открыток – с сугробами, покрытыми «серебристыми блестками», чудовищными дроздами и «жуткой прямоугольной щелью». Есть рассказы и о компьютерах, в том числе один, написанный в 1990 году. Повествование в нем ведется от лица дружелюбного ремонтника – не очень умного, но неплохо разбирающегося в технике. Он работает с машинами, внутри которых люди создают собственные реальности (рассказ опять же с отличной концовкой!).

Вторую часть книги составляют несколько рассказов о Плоском мире – в том числе длинная и очень сильная история о матушке Ветровоск, а также забавная версия национального гимна Анк-Морпорка.

А еще есть грустное стихотворение о том, что

Твои мама и папа не станут учить
Сути смерти, но будут питомцев дарить.

Пратчетт комментирует его: «Я старался сочинять так, будто мне тринадцать лет – с тем самым чувством искреннего серьезного дилетантства. Возможно, это не так уж и отличается от того, что писалось мною в лучшие годы...»

Мне кажется, я знаю, что он имеет в виду. То, что понял его учитель, когда Пратчетту было тринадцать лет, готовы с радостью признать и мы – тринадцатилетние дети, ботаники и гики, читающие писатели и университетские преподаватели: Пратчетт действительно прирожденный писатель и неподражаемый создатель своего собственного мира.

Короткие произведения не о Плоском мире

Предприятие Аида

**Журнал Science Fantasy (под редакцией Джона Карнелла),
№ 60, вып. 20, август 1963 г. Более ранняя версия рассказа
опубликована в журнале Technical Cugnet – издании Хай-Уикомской
средней общеобразовательной школы с техническим уклоном.**

Аааа!.. мне хочется зажать уши руками и громко петь «лалалала», чтобы не слышать, как ты читаешь эту историю.

Она такая детская! Заметь, мне было тогда тринадцать лет. Это первая написанная мною вещь, которую опубликовали. Собственно, это первая вещь, которую я писал с ощущением, что сочиняю настоящую историю.

Все началось с домашнего задания. Учитель английского поставил мне за рассказ высшую оценку и опубликовал его в школьном журнальчике. Одноклассникам он понравился. В их глазах я превратился в настоящего писателя.

И это стало очень важной вехой, поскольку до того дня я ничем толком не интересовался. Да, я хорошо говорил по-английски, но во всем остальном был совершеннейшей посредственностью – одним из тех ребят, которых не замечают учителя, и они этому только рады. Мне ничего не удавалось даже в спорте, за исключением одного прекрасного семестра, когда нам разрешили поиграть в хоккей. Только там я сумел развернуться и показать себя грубым и очень опасным игроком.

Одноклассников это впечатлило. Я нюхнул крови.

В те времена их было три – да-да, всего три журнала на всю Великобританию, публиковавших фэнтези и научную фантастику. Звучит невероятно, но это так. Я уговорил тетю, у которой была пишущая машинка, перепечатать мой рассказ и отослал его Джону Карнеллу, редактору всех трех журналов. Хватило же у меня наглости!

Он рассказ принял.

О господи!

Четырнадцать фунтов гонорара хватило на то, чтобы купить подержанную пишущую машинку Imperial 58 у моего учителя машинописи (моя мать решила, что поскольку я теперь писатель и все такое, то должен уметь печатать сам). Теперь, спустя годы, мне кажется, что для четырнадцати фунтов это была слишком хорошая машинка, и я не удивлюсь, если выяснится, что мама с папой втихаря за нее доплатили.

К счастью, прежде чем я успел нанести механическому устройству фатальные повреждения, меня полностью захватила учеба, а потом экзамены, после которых я устроился работать в местную газету. Там я научился писать более-менее сносно или, по крайней мере, по-журналистски.

Я только что перечитал рассказ, и у меня тут же зачесались пальцы от желания снять с него шкурку, отрегулировать темп повествования и перемешать все эти собранные в кучу клише. Короче говоря, переписать его от начала до конца. Но это было бы глупо, поэтому я просто стисну зубы.

Давай уже, читай дальше.

*Я тебя не слышу! Лалалалалалала!*¹

Тигель открыл входную дверь и застыл на пороге как вкопанный.

Представьте себе ядро грозового облака. Обильно посыпьте золой и украсьте серой по вкусу. Теперь у вас есть примерное представление, во что превратилась прихожая Тигеля.

Дым валил из-под двери кабинета. Смутно припомнив фильм, который он когда-то видел, Тигель прижал к носу платок и, пошатываясь, побрел на кухню. Одно ведро воды спустя он вернулся. Дверь не поддавалась. Внутри кабинета находился и домашний телефон – на случай экстренной необходимости. Поставив ведро на пол, Тигель толкнул дверь плечом, но безрезультатно. Тогда он отступил к противоположной стене и сузил слезящиеся от дыма глаза. Крепко стиснув зубы, он бросился в атаку.

Дверь распахнулась сама собой. Описав грациозную дугу, Тигель пролетел через всю комнату до самого камина. Затем все потемнело, в прямом и переносном смысле, и он потерял сознание.

Стадо слонов, обутых в сабо, танцевало на голове Тигеля кадрили. Приоткрыв глаза, он разглядел склонившуюся над ним расплывчатую фигуру.

– На, выпей.

Ах, этот целебный веселящий сок! Ах, тонизирующий суп-шатунец! Слоны, переобувшись в шлепанцы, приступили к степенному медленному вальсу. Виски, как всегда, оказало желаемый эффект. Тигель вновь открыл глаза и поглядел на посетителя внимательнее.

– Кто ты, дьявол?..

– Совершенно верно!

Голова Тигеля ударилась о решетку с глухим стуком.

Дьявол поднял его и усадил в кресло. Тигель приоткрыл один глаз.

Дьявол был одет в строгий черный костюм с красной гвоздикой в петлице. Тонкие вощевые усики в сочетании с аккуратной бородкой придавали ему величавый вид. На столе лежали плащ и складной цилиндр.

Тигель догадывался, что это значит. Десять лет подряд вытягивать деньги у ничего не подозревающего бизнесмена... неудивительно, что его настигла Немезида. Он поднялся на ноги и отряхнул сажу с одежды.

– Ну что, пойдём? – печально спросил он.

– Пойдём? Куда?

– В Иное Место, полагаю?

– В Иное Мес...? Ах, ты имеешь в виду мой дом? Силы небес... Ой, прошу прощения... Адские силы, нет! Никто не спускался туда почти две тысячи лет. Сам не пойму почему. Нет, я пришел к тебе за помощью. Там Внизу адский бизнес просто остановился – никаких больше падших душ. Единственный парень, который спускался к нам за последние две тысячи лет, – это дрянь-человечек по имени Данте. И ушел он оттуда с совершенно неправильным впечатлением. Ты бы слышал, что он обо мне рассказывал!

– Кажется, я где-то о нем читал.

– В самом деле? Во всяком случае, его бредни – плохая для меня реклама. Собственно, для этого я к тебе и пришел.

– Не понял? – Тигель наострил уши.

– Я хочу, чтобы ты отрекламировал Ад. Осторожно! Ты пролил напиток прямо на ковер.

– П-почему я? – прохрипел Тигель.

¹ Здесь и далее перед началом каждого рассказа – предисловие Терри Пратчетта (*прим. отв. ред.*).

– Но ведь ты владелец рекламной компании «Честная сделка», не так ли? Мы хотим, чтобы ты подготовил общественность, сделал ее Адски сознательной. Не для вечных мук, конечно. Однодневные экскурсии по Аду или даже Большие Туры – всякое такое...

– А если я откажусь?

– Что скажешь о десяти тысячах фунтах?

– До свидания!

– Двадцать тысяч!

– Хмм... А разве не я должен ставить условия: «принеси мне веревку из песка» и так далее?

Дьявол посуровел.

– Сорок тысяч. Это мое последнее предложение. Кроме того... – Дьявол сложил кончики пальцев вместе и улыбнулся потолку, – мне известно несколько довольно компрометирующих фактов по делу «Пэйн-Смит Продактс», которые мы могли бы предать огласке...

– Вот теперь ты говоришь на моем языке. Значит, сорок тысяч фунтов и молчание по делу «ПС»?

– Да.

– Договорились.

– Я так рад, что ты теперь на моей стороне, – признался Дьявол.

Тигель сел за письменный стол из красного дерева и достал блокнот. Затем указал на полированную серебряную шкатулку:

– Сигарету?

– Благодарю.

Тигель также взял сигарету и, не глядя, нащупал зажигалку. Внезапно ему в голову пришла одна мысль.

– А откуда мне знать, что ты тот самый Старина Ник?

Дьявол вздрогнул.

– Попрошу без фамильярности! Для тебя я Николас Люцифер. Ну кто еще, кроме меня, может знать о деле «ПС»?

Глаза Тигеля сверкнули.

– Может, ты какой-нибудь хитропопый сыщик? Ну давай, убеди меня как-нибудь!

– Ну ладно. Сам напросился. Кстати, пистолет, который лежит в твоём левом кармане, против меня бесполезен.

Дьявол небрежно качнулся вперед и протянул палец в сторону Тигеля.

– Ну вот, я же говорил. Ты липовый, бесчес...

Хрясь!

Через комнату пронеслась молния. Кончик сигареты Тигеля раскалился.

– Уб... убедил!

– Вот и славно.

Тигель быстро взял себя в руки.

– Что ж. Приступим к делу. Как я понял, ты хочешь, чтобы Ад эксплуатировался всеми возможными способами?

– Да.

– Боюсь, я мало чем смогу помочь, пока не увижу это место лично – с точки зрения живого человека, как ты понимаешь.

– Понимаю. Что ж, я прихватил бы тебя с собой на обратном пути, но, боюсь, это станет для тебя довольно кошмарным опытом. Впрочем, если подождешь меня на углу улицы – скажем, в восемь часов вечера? – мы можем прогуляться туда пешком. Согласен?

– Хорошо.

– Тогда увидимся. Всего хорошего!

– Чао!

Пуф!

И Дьявол исчез. Комнату вновь наполнил сернистый дым. Тигель открыл окна и тут же их закрыл. Если какой-нибудь назойливый сосед заметит дым, то Тигель замучается объяснять пожарным, куда делся пожар. Он прошел на кухню и сел с задумчивым видом, сожалея о том, что мало читал фантастику.

Желание Тигеля, чтобы Дьявол не совал нос в его дела, было вполне логично – как и для многих других разумных существ. Причина неприятия крылась в том, что они с Дьяволом слишком разные. Тигель открыл холодильник и достал банку пива.

Когда рядом разгуливает некто, знающий о вещах, которые человек предпочел бы держать при себе, – это опасно. Любовь Тигеля к деньгам боролась со стремлением к свободе. Он хотел получить эти сорок тысяч фунтов, но не хотел, чтобы рядом был Люцифер.

Внезапно его осенила гениальная мысль. Ну конечно! Почему бы нет? Он схватил шляпу и поспешил в местную церковь.

Тигель стоял под проливным дождем на углу улицы. Маленькие струйки стекали по спине, замшевые туфли быстро намокали. Он взглянул на часы. Без одной минуты восемь.

– Псст!

Вздрагнув, Тигель обернулся.

– Я здесь!

Он увидел, как посреди тротуара поднялась крышка канализационного люка. Голова Дьявола высунулась наружу.

– Ну же, давай!

– Прямо сюда?

– Ага.

Тигель протиснулся в узкое отверстие.

Плюх!

Все, придется тратиться на новые ботинки.

– Ладно, пойдем, – сказал Дьявол.

– Я и не знал, что Прямо Туда можно пройти по канализации.

– Это самый короткий путь, старина. Сворачиваем налево.

На некоторое время наступила тишина, нарушаемая лишь эхом шагов: замшевых туфель Тигеля и Дьявольских копыт.

– Долго еще?

Они шли уже несколько часов. Ноги Тигеля насквозь промокли, он начал чихать.

– Почти добрались, приятель.

Дошлепав до конца туннеля, они очутились на краю темной долины. Вдалеке Тигель разглядел гигантскую стену с крошечной дверью. Через долину бежала черная речка, воздух был напоитан серой.

Дьявол дернул кусок брезента с горба, возвышавшегося у входа в туннель.

– Позвольте представить: «Гериян II»!

Тигель моргнул. «Гериян II» представлял собой «Форд-Т», скрещенный с «Остин 7» – и со вкусом покрашенный в сернисто-желтый цвет.

Дьявол дернул за боковую дверь, и та отвалилась.

Они забрались внутрь. Удивительно, но машина завелась всего с пары взмахов пусковой рукоятки.

«Гериян II» неспешно попыхтел через серную равнину.

– Хорошая машина, – похвалил Тигель.

– Не то слово! Сорок драконьих сил. Я сам собрал ее из деталей и обломков, найденных на Земле. Это несложно, если выскакивать на поверхность возле свалки. – Дьявол проскрипел зубами, когда им с Тигелем пришлось на большой скорости проскочить сквозь облако серы. – Проблема только в том, что наверху часто оказывается какая-нибудь груда железа.

Он потерял голову. Тигель заметил, что один из его рогов перевязан.

Наконец они резко затормозили у реки. Машина испустила клубы пара.

У берега была пришвартована потрепанная плоскодонка. Дьявол помог Тигелю забраться внутрь и взялся за гузло... в смысле, за весло.

– А что случилось с этим... как его там... Хароном?

– Мы не любим об этом говорить.

– О.

Наступила тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием весел.

– Наверное, вам теперь придется строить мост.

– Это да...

Тигель крепко задумался.

– И брать за проход по полпенни... Кстати, – добавил Тигель, – в лодку затекает вода. Я чувствую, как она плещется у меня вокруг лодыжек.

Дьявол даже не обернулся.

– Приплыли.

Он протянул Тигелю потрепанную кружку для оплаты проезда, на которой сохранились едва различимые инициалы «Б. Г.». Уладив формальности, они продолжили путь.

Через некоторое время они остановились перед воротами. Тигель поднял голову и прочитал слова:

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»

– Так себе надпись.

– Неужели?

– Нужны неоновые огни.

– М-да?

– Красные такие.

– Хмм.

– И чтобы моргали.

– Пожалуй...

Они вошли внутрь.

– Фу, мальчик! Отстань от него.

Три языка лизнули Тигеля одновременно.

– Возвращайся в свою конуру!

Скулящий Цербер скрылся с глаз.

– Не обижайся на него, – сказал Дьявол, поднимая Тигеля и стряхивая с него пыль. – Он сам не свой с тех пор, как набил шишку о ногу Орфея.

– В мифе об этом ничего не сказано.

– Я знаю. И это очень печально, поскольку реальная история была гораздо... хм... интереснее. Впрочем, мы отвлеклись.

Тигель внимательно огляделся. Судя по всему, они оказались в вестибюле отеля. В одной из стен располагался небольшой альков с письменным столом, на котором в раскрытом виде лежала огромная, покрытая пылью книга для регистрации жильцов.

Дьявол распахнул маленькую деревянную дверь.

– Сюда, пожалуйста.

– А что там?

– Мой офис.

Тигель проследовал за ним по узкой лестнице, сильно скрипевшей под ногами.

Офис Дьявола, неустойчиво притулившись к стенам Ада, был довольно ветхим. В одном из углов – там, где Стикс выходил из своих берегов, – осталось влажное пятно; с деревянных стен частично слезли обои. Ржавая печка в углу раскалилась докрасна. Тигель заметил, что пол был завален какими-то старыми газетами, счетами и рецептами разнообразных заклинаний.

Дьявол опустил в просторное кресло. Тигель сел на вычурный плетеный стул, который едва не развалился под его весом.

– Выпьем? – предложил Дьявол.

– Не возражаю, – ответил Тигель.

– Довольно приятный напиток, – сказал он спустя некоторое время. – Твой рецепт?

– Ага. Он очень простой: берем две пинты крови летучей мыши и одну пинту... эй!.. У тебя лицо посерело! С тобой все в порядке?

– Глп! Кхак! М-м... все в порядке, спасибо. Кха... может, перейдем к делу?

– Хорошо.

– Ну что ж. Насколько я понял, наша главная трудность состоит в том, чтобы заставить публику воспринимать Ад – и тебя, если уж на то пошло – совершенно всерьез. Я к тому, что по общепринятым представлениям Ад – это что-то вроде огненной печи с падшими душами, которых вы пихаете туда вилами, ордами демонов и других тварей, которые бегают вокруг и воют... Кстати, а где все лю... в смысле, обитатели?

– Кто?

– Падшие души, демоны, баньши и так далее...

– Ах, ты про это. Как я уже сказал, сюда две тысячи лет никто не заглядывал, кроме этого ничтожества Данте. А те души, которые были здесь, постепенно упорным трудом заслужили перевод в Чистилище, а потом в... ну ты понял. Так что демонам пришлось искать себе другую работу.

– Ушли в сборщики налогов... – пробормотал Тигель.

– Именно так. Что касается огненных печей, то в рабочем состоянии осталась лишь одна – «Марк IV», вон та, в углу. Очень удобна для кулинарных экзерсисов, но ничего другого с нею не затеешь.

– Понятно... У тебя есть под рукой карта Ада?

– Где-то была.

Дьявол порылся в старой дубовой конторке, стоявшей у него за спиной, и извлек оттуда пожелтевший пергаментный свиток.

– Вот. Свежее карты у меня нет.

– Сойдет. Дай-ка взглянуть. Хмм... Как я понимаю, мы приехали отсюда?

– Ага. Это затенение – Серная Долина.

– Хорошее место. Уверен, компания «Акме² Майнинг» многое бы отдала, лишь бы получить права на добычу серы.

– Серьезно?

– Абсолютно. Правда, вначале пришлось бы строить дорогу для большегрузного транспорта...

– Хмм...

– И рыть большой туннель с поверхности Земли...

² Вымышленная торговая марка, фигурирующая во множестве художественных и мультипликационных фильмов (в основном американских). – *Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. переводчика.*

– ...а вот здесь кофе-бар. А там танцевальный зал. В дальнем конце – гоночная трасса. Дорожка для боулинга...

– ...а тут можно построить парк аттракционов...

– ...оставив место для ресторана здесь...

– ...несколько киосков с мороженым поставить там, там и там...

– ...здесь весь вечер будет играть джаз-банд. Свяжись со своими демонами и предложи им зарплату повыше, чтобы они вернулись и помогли с управлением...

– ...пусть Орфей организует джазовый оркестр – я уверен, что Аполлон будет только рад...

И так далее и тому подобное. Вскоре карту испещрили символы, обозначающие все что угодно – от танцевального зала до велодорожки. Затем они откинулись на спинки кресел и принялись обсуждать Этап Первый: презентацию Ада широкой публике.

Конечно, вначале без трудностей не обошлось. День, когда Дьявол впервые материализовался на футбольном поле в финале Кубка, запомнили надолго.

Естественно, он попал на первые полосы всех популярных газет. Знаменитая пивоварня подала на Дьявола в суд за убытки, поскольку большинство зрителей финала Кубка после этого случая зареклись пить.

Телефонные линии по всему миру раскалялись, плавились и пригорали друг к другу, пока Тигеля терзали выгодными предложениями крупные финансовые магнаты. Рекламные фирмы боролись за покровительство Дьявола. Работа над туннелем ЛОНДОН – АД быстро продвигалась под руководством Тигеля. Дьявол на время переехал к Тигелю, заявив, что все эти краны, бульдозеры и тому подобное делают Ад по-настоящему адским.

– Только посмотрите, как любит Цербер «Собачью Вкуснятинку»! Блестящая шерстка, сверкающие клычки и три головы – и все это благодаря «Собачьей Вкуснятинке»! «Собачья Вкуснятинка» в удобной жестяной банке на две унции! Цербер говорит вам, что «Собачья Вкуснятинка» – это пр-р-росто восторг! Спрашивайте «Собачью Вкуснятинку» в магазинах вашего города!!

– Все выдающиеся личности курят «Раковые Палочки!»

– Скажите, Люцифер, почему вы курите «Раковые Палочки»?

– Потому что мне нравится их свежий вкус, аромат превосходного табака, а также пятьдесят фунтов, которые вы мне платите за произнесение этих банальностей...

– Скажите, сэр, как вы относитесь к расовой дискриминации?

– Ну, я... э-э-э... как бы это сказать...

– Что вы думаете о молодом поколении?

– Я думаю, что... э, ну да!.. Определенно!

– Вы согласны с тем, что демонстрация насилия на телевидении является причиной при-
скорбного роста национальной статистики преступлений?

– Хмм... э-э-э... нет... в смысле, да. Я имею в виду, что... как бы нет, но...

– Спасибо, сэр, что вы согласились прийти в нашу студию сегодня вечером, чтобы изложить свою точку зрения на столь животрепещущие вопросы. Огромное спасибо. Что ж, дамы и господа, настраивайтесь на нашу волну через неделю, и мы...

Тигель бесстрастно оглядел собравшихся: несколько вечно недовольных третьестепенных парламентариев, начинающие старлетки, скучающие репортеры, ну и, конечно же, привычно усталая группа гвардейских офицеров, потягивающих третьесортное шампанское. Пестрая разношерстная толпа. Тигель, превратившийся за последнее время в настоящего эксперта

по затхлым атмосферам, определил в составе воздуха ядерный запах лежалого табака, духи «Цветы зла», метан, а также легкую примесь угарного газа. Он повернулся к Дьяволу, вытворившему чудеса с шейкером для коктейлей.

– Это, мой друг, и есть то, что смехотворно называют «светской вечеринкой», – ритуал, который до сих пор соблюдают в лучших домах на Белгрейв-сквер. Кажется, он состоит из...

– Да брось, Ти. Это самая шшишкарная тусовка, в которой я участвовал за последние пятьсот лет, и я собираюсь сделать ее лучшей из лучших...

Приглушенный *хрусь!* указал на то, что Дьявол и вправду решил сделать все, что было в его силах.

Наступило свежее ноябрьское утро. На тихой улице, носившей название Крэнберри-авеню, пели птички, падали листья и завтракал Тигель. Пережевывая бекон с грибами, он перевернул газету. Привлекшая внимание колонка сплетен заставила его вспомнить о Дьяволе.

Бросив газету в мусорное ведро, он вытер рот салфеткой и направился в гостевую спальню.

Представшая взору сцена поражала хаосом. По всей комнате валялись бумажные шляпы, воздушные шарики и серпантины. Пустых бутылок было еще больше. Сам Дьявол, все еще облаченный в запасной фрак Тигеля, лежал поперек кровати и громко храпел.

– Пора вставать! – бессердечно крикнул Тигель.

Эффект превзошел ожидания. Дьявол взмыл в воздух на два фута и тут же упал, ухватившись за голову. Тирада, которую он выдал, заставила Тигеля покраснеть до ушей.

Тигель повозился немного на кухне и вернулся с чашкой крепкого черного кофе.

– Держи.

– Ай! Не так громко. – Дьявол шумно отхлебнул. – Так-то лучше. А что было вчера вечером?

– Ты смешал водку и зеленый шартрез.

– Ой!

– Вот именно. А теперь ноги... в смысле, копыта в руки – и вперед! Церемония открытия Ада начнется в полдень.

– Но я не могу... Ай!

– Извини, но надо. Придется пить кофе галлонами и терпеть. Пошли!

Джазовая мелодия эхом отражалась от стен Ада. Поп-музыка разносилась по темным коридорам, смешиваясь со щелканьем игровых автоматов. Эспresso тек реками. Визг разогранных мотоциклов перемежался воплями баньши – как призрачных, так и человеческих (гитарное брэнчание, например). Рост популярности Ада мог соперничать разве что с ростом суммы на дьявольском банковском счету.

Сам Дьявол, сидевший на высоком балконе, прилепленном к стене Ада, налил себе стакан воды и принял три таблетки транквилизатора.

Бушевала буря. За последний месяц Северное полушарие планеты охватили грозы, не имевшие себе равных в истории человечества. Метеорологи проводили все рабочие дни за изучением зерен, водорослей и других артефактов для гадания, но даже они были вынуждены признать, что находятся в полной растерянности.

Сидя в большом кабинете своего нового загородного дома, Тигель подбросил в камин еще одно полено и поудобнее устроился в кресле. Буря и не думала утихать.

Его совесть – по необходимости самая крепкая и непрошибаемая в Европе – тем не менее его мучила. С этим предприятием Аида что-то было не так. Конечно, не в денежном отноше-

нии, поскольку комиссионные за последние три недели оказались чрезвычайно щедрыми, на что ясно указывали загородный дом, две машины, пять скаковых лошадей и одна яхта.

Ад имел большой успех. Туда стекались самые влиятельные люди, его одобрили представители высших политических кругов.

Но что-то было не так. И это было как-то связано с сильными грозами.

Где-то внутри его сознания маленький Тигель, оснащенный крыльями, нимбом и арфой, неистово прыгал по совести Тигеля. Вдали пророкотал гром.

Бум!

Дьявол появился неожиданно. Он выглядел очень взволнованным и немедленно устремился к бару. Налив себе настойки белладонны, Дьявол повернулся к Тигелю.

– Это невыносимо! – возопил он. Руки его дрожали.

– Невыносимо что?

– Все! Они превратили мое жилище в сумасшедший дом! Шум! Шум! Шум без конца! Я нормально выспаться не могу! Ты хоть понимаешь, что я толком не спал уже две недели? Эти бесконечные вопли подростков...

– Так, секундочку! Хочешь сказать, они тебя терзают?

– Очень смешно!

– Почему бы тебе не закрыть Ад на некоторое время и не отдохнуть?

– Я пытался. Небеса ведают...

Бум!!

– Я пытался! Думаешь, получилось? Нет! На меня накинута кучка каких-то головорезов и принялась угрожать мне «навалить», если я попытаюсь закрыть их ревущий рай...

БУМ!!

– Я шагу не могу ступить, чтобы меня не окружили дикие орды охотников за автографами! Я ведь теперь знаменитость! Ни секунды покоя! В Аду теперь сущий ад! – Дьявол упал на колени, по лицу его текли слезы. – Ты должен мне помочь! Спрячь меня! Сделай хоть что-нибудь! Я прошу тебя, Господи...

Молния расколола Небеса надвое. От грома, многократно усиленного эхом, Тигель вжался в кресло и прикрыл ладонями рвущиеся барабанные перепонки.

Наконец настала тишина.

Дьявол лежал посреди комнаты в круге света. Затем гром заговорил:

– ТЫ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ?

– О да, Господи! Пожалуйста! Мне так жаль! Я за все прошу прощения, за все! И за ту шутку с яблоком, честно!

Стоявший на полке бюст Чарльза Дарвина разлетелся на мелкие осколки.

– Мне так жаль! Забери меня обратно, пожалуйста...

– ИДЕМ.

Дьявол исчез. Бушевавшая снаружи буря прекратилась.

Потрясенный Тигель поднялся с кресла. Шатаясь, он подошел к окну и посмотрел на быстро проясняющееся вечернее небо.

Затем из заката появилась Рука Света, поднятая в знак приветствия.

Тигель улыбнулся.

– Не стоит благодарности, сэр. Был рад помочь.

И он закрыл окно.

Разгадка

Technical Cygnet, 1:10, июль 1964 г.

Этот рассказ я совершенно не помню. Был период, очень давно, когда я фонтанировал идеями, концепциями и сырыми фрагментами диалогов, чтобы посмотреть, не вспыхнут ли они волшебным образом и не превратятся ли в приличный рассказ или роман. Те, из которых ничего не вышло, были безжалостно отправлены в битоприемник (если вы знакомы с этим термином, то, вероятно, провели возле компьютеров столько же лет, сколько и я). Должно быть, я написал «Разгадку» между делом, а потом упорхнул, чтобы попробовать что-то еще.

– Золото? Или в этот раз речь идет о бриллиантах?

Пайкрафт резко обернулся.

– Что за...

Инспектор шагнул через крошечный люк в кабину пилота и неопределенно махнул рукой назад.

– Там достаточно большой парашютный отсек. Однако мне пришлось выбросить твой парашют, так что в твоих же интересах внимательно следить за полетом.

Пайкрафт вернул на место рукоятку управления.

– Да я с тебя шкуру спущу, – пробормотал он. – Мало было унижительного обыска в Лемэе, так ты и на мой частный самолет пробрался!..

– Может, уже заткнешься? – ласково предложил инспектор. – Мы здесь вдвоем, так что нет нужды изображать из себя «возмущенного гражданина». Тебе эта роль не идет. – Он закурил сигарету, решив из осторожности воздержаться от того, чтобы предложить одну Пайкрафту. – Йохан Пайкрафт, я задерживаю вас...

– За что? Ты ничего не докажешь.

– ...за контрабанду.

– Какую еще контрабанду?

Рука Пайкрафта медленно соскользнула с сиденья к маленькому бронзовому огнетушителю.

– Пока не знаю. Однако за последние три недели ты на этих потрепанных самолетиках совершил пятнадцать перелетов через горы, внезапно у тебя появилось много денег, и ты – известный контрабандист. И вот я спросил себя: «Густав, откуда у него столько денег?» И я ответил себе: «Густав, дорогой, он просто вернулся к своему обычному занятию, только и всего».

– В Лемэе ты ничего не нашел.

Пальцы Пайкрафта обхватили огнетушитель.

– Точно! Вероятно, ты протащил контрабанду в самолет после обыска. Поэтому, будь так добр, разверни машину и...

Он быстро отступил в сторону, когда тяжелый огнетушитель пролетел через весь салон. Самолет резко накренился. Пытаясь его выровнять, Пайкрафт ухватился рукой за центр приборной панели.

* * *

Высоко на склоне заснеженной горы две маленькие фигурки склонились над слабо горящим костром.

Инспектор еще раз взглянул на останки самолета.

– Хорошо полетали...

– Лучше бы разбились. Если нас не добьет холод, то съедят волки.

Несколько мгновений они молча смотрели на костер.

– Что ж, – проговорил инспектор. – Теперь, я думаю, ты можешь мне сказать... Что за контрабанду ты перегонял?

Пайкрафт печально посмотрел на него.

– Самолеты, – ответил он.

Картина

Technical Cygnet, 1:11, май 1965 г.

Ну ничего себе! Как давно это было! Я очень рад, что никогда не пытался продать этот рассказ, но это еще один случай, когда я играл со словами, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Авторы периодически этим занимаются.

Это было далеко не лучшее произведение искусства.

Художник изобразил небо не тем цветом и, видимо, в попытке скрыть свою ошибку понаделал пятен. Перспектива, если можно так выразиться, была искажена. А подобную растительность не увидишь даже в самом жутком кошмаре. Словом, картина представляла собой некий сюрреалистический адский пейзаж.

Даже рама выглядела так, будто вот-вот развалится.

Тем не менее Джон повесил ее на одну из обитых войлоком стен своей камеры. Какой бы странной и страшной ни была картина, но все-таки она олицетворяла хоть какую-то связь с внешним миром; хоть какое-то напоминание о том, что существуют и другие вещи, кроме еды, сна и нерегулярных визитов врачей. Иногда эти врачи смотрели на него сквозь смотровые отверстия обитой войлоком двери и качали головами.

– Такое не лечится, – говорил один.

– Если только мы не отберем у него эту... картину, – отвечал другой.

– Это его убьет.

– Он убьет себя сам, если мы это не сделаем. Ты же знаешь, что именно она стала причиной его... его...

– ...безумия.

– По-другому и не скажешь. Теперь эта картина – основа его мира. Думаю, она – единственное, в чем он не сомневается. Вчера он сказал, что на картине изображен единственный правильный мир и что мы живем в фальшивом. С таким упрямством ничего нельзя поделать.

– Значит, если он лишится картины, то либо вылечится, либо... умрет?

– Да. Скажу ему об этом завтра, когда приду на осмотр. Возможно, шок от потери придуманного мира его излечит.

Впрочем, излечение представлялось сомнительным. Джон все так же сидел в углу камеры, сторбившись и задумчиво глядя на картину. Со стороны казалось, что он пытается что-то вспомнить...

Тихие шаги в коридоре заставили его вздрогнуть. Время вышло: они пришли забирать его картину! Он сделал последнее огромное, отчаянное усилие...

И камера сделалась пустой.

Они так и не узнали, куда он делся и как ему удалось сбежать. Девять дней тайна будоражила умы, но со временем забылась.

Врач сохранил картину, повесив ее в своем рабочем кабинете. Он понимал, что подозрение его абсурдно, но никак не мог от него избавиться.

Иногда он разглядывает картину всеми тремя глазами, а потом переводит взгляд за окно – на зеленое солнце, висящее над горизонтом. Он надеется, что ошибся.

Ибо как можно выжить в мире с коричневой землей, зелеными листьями и голубым небом, на котором висит одно-единственное солнце?

Принц и куропатка

«Детский цикл» Дядюшки Джима, еженедельная газета Bucks Free Press, 6, 13, 20 декабря 1968 г.

«Детский цикл», опубликованный под псевдонимом «Дядюшка Джим», представлял собой серию из семидесяти с лишним рассказов, написанных в период с 1965 по 1973 г. В настоящий сборник включены два рассказа цикла: «Принц и куропатка», а также «Ринсмангл, гном с Ровной Пустоши».

Давным-давно (так начинаются все сказки) жил-был юный принц – правитель Страны Солнца. Это была славная страна – полная долгих дней под голубым небом. Почти все в ней было либо желтым, либо золотым.

Дома здесь строили из песчаника и крыли золотой черепицей. Желтые нарциссы и лютики обрамляли поля спелой кукурузы, и золота под землей было так много, что им мостили улицы.

На западе этой страны возвышалась горная гряда, где у принца был – я еще не сказал, что его звали Альфред? – так вот, был у него собственный охотничий домик.

Однажды он охотился со своими рыцарями на оленей, и вдруг лошадь понесла его прочь сквозь густой сосновый лес, пока звуки охоты совершенно не затихли. Принц натянул поводья и стал успокаивать своего скакуна.

К тому времени, когда ему это удалось, он оказался в незнакомой части лесистой горы – на краю широкой поляны. Он понял, что случилось с его лошадей – под подпругу седла попала острая колючка. И пока он вытаскивал ее, прямо в центр поляны выскочил олень.

Это было то самое животное, на которое он охотился. Но, прежде чем он успел дотянуться до лука, из-за деревьев с шипением вылетела серебряная стрела и убила оленя.

«Ай-яй-яй! – подумал принц. – В моих горах завелись браконьеры!»

Из-за деревьев выехал отряд рыцарей на белых конях и в серебряных доспехах. Возглавляла их светловолосая принцесса в серебристом одеянии.

Стоит ли говорить, что в тот миг она показалась Альфреду самой милой, самой хорошенькой, самой прекрасной (и так далее) из всех принцесс, которых ему когда-либо доводилось видеть – даже несмотря на то, что ее волосы были белее волос его бабушки.

Рыцари подобрали убитого оленя и поскакали прочь, а Альфред, разумеется, последовал за ними. Вскоре он понял, что оказался на другой стороне горы.

И вот что он увидел в свете заходящего солнца: над землей по ту сторону гор висела большая серебристая луна. Вся земля сияла серебром, в траве росли серебряные цветы, а вдали ехала его принцесса.

– Что это за место? – удивился принц вслух.

На дереве над его головой кто-то кашлянул и ответил:

– Страна Луны, разумеется.

Поглядев вверх, принц увидел, что стоит под старой дикой грушей, почти лишенной листьев, с сучковатыми ветвями и высохшими плодами. На самой нижней ветке сидела крупная, жирная, уродливая коричневая птица с большими бровями.

– Что за птица говорит со мною? – осведомился Альфред.

– Я куропатка, – ответила птица. – Вернее, Куропатка, Сидящая На Грушевом Дереве. А ты принц Альфред. Девушку зовут принцесса Селена, и если ты хочешь на ней жениться, то придется поухаживать: шоколад, цветы и всякое такое.

– Кажется, у нее и так есть все, что она только может пожелать, – возразил Альфред.

– Как угодно, – ответила куропатка. – Я просто пытаюсь помочь. Только скажу, что она обещала выйти замуж за того, кто преподнесет ей на Рождество подарок, который танцует, скачет, играет музыку, бьет ритмы, носит ведра, шипит, откладывает яйца, может уместиться на пальцах одной руки, поет, кудахчет, воркует, играет бровями и приятен на вкус. И все одновременно, прошу заметить.

– Но зачем так сложно? – удивился принц Альфред.

– Ее отец, король Страны Луны, решил, что жениться на его дочери сможет лишь тот, кто сумеет придумать достойный подарок. Видишь ли, у него нет сыновей, так что будущий жених принцессы со временем станет королем этой страны, – поведала куропатка.

– Возможно, в загадке сокрыт попугай, – задумчиво произнес принц. – Это на них похоже.

– Император Радужной Страны пытался дарить попугая, – ответила куропатка. – Ничего не вышло.

Принц попрощался с мудрой старой Куропаткой, Сидящей На Грушевом Дереве, и в глубокой задумчивости вернулся домой.

На следующий день он собрал всех дворцовых волшебников, мудрецов и мыслителей и задал им вопрос: что танцует, скачет, играет музыку, бьет ритмы, носит ведра, шипит, откладывает яйца, может уместиться на пальцах одной руки, поет, кудахчет, воркует, играет бровями и приятно на вкус?

– Высказывайтесь, – добавил он, – а то останетесь без рождественской премии!

– Интересная загадка... – пробормотал один из волшебников.

Но сколько ни бились над ней мудрецы, так и не смогли найти ответа.

Тогда принц устроил большое соревнование с золотым кубком в качестве приза тому, кто ответит на его загадку.

Но несмотря на то что зал дворца до отказа заполнился почтальонами, разбиравшими письма с ответами, и многочисленной очередью из людей, жаждавших выиграть кубок, никто из них не смог придумать ничего похожего на правильный ответ. Принц сел на золотой трон и вздохнул.

Вдруг в самом конце очереди он заметил куропатку. Она пришла пешком, поскольку была слишком толстой, чтобы летать.

– Что ты здесь делаешь? – ахнул принц Альберт.

– Я пришла за призом, – ответила куропатка.

– Ты хочешь сказать, что с самого начала знала правильный ответ?

– Но ты же меня не спрашивал, верно? Впрочем, мне кубок не нужен. То, что мне нужно, легче воздуха и не стоит ничего, но я не скажу тебе, что имею в виду. Во всяком случае, пока.

– Ну и какой подарок я должен преподнести принцессе? – спросил принц Альфред.

– Терпение! – ответила куропатка. – Вначале я хочу встретиться с некоторыми из твоих подданных. Будь добр, позови Королевского Птицелова, Хранителя Королевских Драгоценностей, Мастера Королевской Музыки, самого высокопоставленного лорда твоей страны, главную Королевскую фрейлину и, скажем, четырех крестьян. Они нужны мне, чтобы изготовить подарок. А потом я хочу, чтобы ты нанес визит принцессе и ее отцу и пригласил к моему грушевому дереву в горах.

Принц так и сделал, поскольку ему было очень любопытно узнать, что задумала куропатка. Он отправился в Страну Луны и привел короля, принцессу и множество их рыцарей к дереву.

– Это и есть подарок? – осведомился король. – Груши, может, и приятны на вкус, но и только. Они не поют.

– Секундочку, – ответил принц, с тревогой глядя на дорогу.

– Я не намерен ждать весь день, – сердито сказал король. – Показывай подарок, который ты приготовил для моей дочери, или мы уезжаем.

– Погоди, отец, – вмешалась принцесса Селена. – Кажется, там что-то происходит.

Увидев приближающееся облако пыли, принц Альфред издал радостный возглас.

Теперь можно было разглядеть очень странную толпу.

Во главе ее шел маленький мальчик по имени Берт – сын Королевского Птицелова. В руках он нес три огромные клетки. В одной из них сидели две нахохленные горлицы, в другой – три французские курицы, а в самой большой – все время бившейся о колени мальчика – четыре маленькие зеленые птички.

На голове у Берта сидела куропатка. Она крепко держалась за его волосы и подавала команды остальным. Ее голос звучал довольно приглушенно, так как она удерживала в клюве пять золотых колец.

За Бертом вышагивал сам Королевский Птицелов, погоняя семерых шипевших лебедей и шестерых ковылявших гусынь. Птицы то и дело путались под ногами у восьми доярок, шедших следом.

Затем ехал большой барабан, толкаемый барабанщиками. За ним не отставали другие восемь барабанщиков, игравших на ходу совместно с десятью волынщиками.

Замыкали шествие одиннадцать лордов на конях с развевающимися мантиями и карета с двенадцатью фрейлинами.

– Вы знаете, что делать, – сказала куропатка, когда шествие добралось до старой груши.

Сморщенные плоды посыпались дождем. Ломая ветки и наступая друг другу на пальцы, все полезли на дерево.

– Скорее, скорее! – командовала куропатка. – Ну что, готовы? Теперь говорите принцессе, что именно мы подарили.

– Двенадцать танцующих дам, – ответили фрейлины с нижней ветки.

– Одиннадцать скачущих лордов, – воскликнули лорды, взмывая вверх и вниз. Скрип! Хрусть!

– Десять трубящих волынщиков... Раз, два. Раз, два, три, четыре... – пропели волынщики и завели энергичную мелодию.

– Девять барабанящих барабанщиков! – Тынц! Бум!

– Восемь доярок с молочными ведрами.

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! – прошипели семь лебедей, которые очень сердились от того, что не могут уплыть со своих веток.

– Га-га-га! Га-га-га! – прокричали шесть гусынь, откладывая яйца.

– Динь! Тинь! – прозвенели на ветру пять золотых колец.

– Фьюить! Фьюить! – пропели четыре маленькие зеленые птички.

– Ля Ко-ко! – прокудахтали три французские курицы.

– Гули-гули! – проворковали две горлицы.

Все затаили дыхание и уставились на куропатку. Убедившись, что все смотрят только на нее, она взъерошила перья, расправила крылья и голосом противным, как наждачная бумага, запела:

– И Куропатка, Сидящая На Гррррушееевом... – Шея ее вытянулась, лицо покраснело, она сделала глубокий вдох и задвигала бровями. – Дееерреееее!

Последовавшую тишину разбил хохот короля, сидевшего на коне и утиравшего слезы смеха.

– Это самое забавное, что я видел за долгие годы, – сумел выговорить он. – Оно действительно делает все, что нужно! Женись на моей дочери во что бы то ни стало!

– Думаю, это прекрасный подарок, – согласилась принцесса.

– Кха, кха, – тактично кашлянула сидевшая на верхней ветке куропатка. – В награду я хочу спеть на твоей свадьбе песню, которую сочинила сама.

– Ну конечно, – ответил принц. – И вообще, я приглашаю всех вас до единого!

Итак, на Двенадцатый День Рождества (так уж вышло) они сыграли большую свадьбу в огромном шатре, установленном возле грушевого дерева в горах, куропатка спела свою песню, и принц тут же назначил ее премьер-министром.

Несколько маленьких волынщиков переели так, что их пришлось отвозить домой на тачках, но принц всех наградил медалями, и все были очень счастливы.

Ринсмангл, гном с Ровной Пустоши

**«Детский цикл» Дядюшки Джима, еженедельная
газета Bucks Free Press, 16 марта – 18 мая 1973 г.**

Это одна из тех штучек, которые я обычно писал в вечернее время по четвергам: более ранняя и короткая версия того, что впоследствии превратилось в «Угонщиков». Имя главного героя нашло отклик в более позднем персонаже – волшебнике Ринсвинде, впервые появившемся в романе «Цвет волшебства».

Давным-давно жил гном. Он обитал в дупле дерева, стоявшего посреди Ровной Пустоши – в странной таинственной земле, что простирается к северу от города Блэкбери. Звали его Ринсмангл, и, насколько ему было известно, он был единственным оставшимся в мире гномом.

Он не очень-то походил на гнома. Да, он, конечно, носил остроконечную шляпу, как положено гному, но помимо нее на нем был только потрепанный костюм из мышиных шкурок и старое, довольно вонючее кротовое пальто. Питался он орехами, ягодами, объедками от пикников, а также птичьими яйцами, если удавалось их раздобыть. Словом, жизнь его была суровой и нерадостной.

Однажды он сидел в своем дуплистом дереве и грыз фундук. Снаружи лил дождь, и дерево слегка протекало. Ринсмангл чувствовал боль в суставах.

– Как мне это все надоело! – воскликнул он. – Нет мочи от сырости.

Его услышала сова, жившая на соседнем дереве.

– Тебе стоит покинуть дом и взглянуть на мир, – подлетев ближе, сказала она. – В нем есть и другие места, кроме Ровной Пустоши.

И она поведала ему об улицах Блэкбери и даже более отдаленных местах, где всегда светит солнце и синее море. Впрочем, сведения ее были не вполне точны, поскольку узнала она их от черного дрозда, который слышал рассказы ласточки, отдохавшей там на каникулах. Тем не менее Ринсмангл пришел в необычайное возбуждение.

С невыразимой скоростью он упаковал все свои пожитки в носовой платок.

– Я ухожу! – воскликнул он. – Туда, где всегда светит солнце! Далеко, говоришь, туда добираться?

– Ну-у, – протянула сова, не имевшая об этом ни малейшего понятия. – Около двух миль, полагаю. Или чуть больше.

– Тогда до свидания! – ответил Ринсмангл. – Счастливого оставаться. Если бы ты умела читать, а я писать, то я мог бы прислать тебе открытку.

Он слез с дерева и отправился в путь.

* * *

Когда гном Ринсмангл двинулся по дороге до Блэкбери, он действительно не понимал, насколько это далеко. Не переставая лил дождь, и вскоре гном продрог.

Через некоторое время он увидел автостоянку, а на ней – припаркованный грузовик, водитель которого наверняка ушел пообедать. Ринсмангл частенько наблюдал, как грузовики проезжают мимо его дерева, поэтому несколько не удивился. Он забрался на колесо и заглянул под брезент в поиске теплого местечка для сна.

Грузовик был полон картонных коробок. Надорвав уголок одной из них, Ринсмангл обнаружил множество твердых жестяных банок – ужасно неудобных для сна.

Тем не менее он задремал – ровно в тот момент, когда грузовик тронулся, чтобы продолжить путь до Блэкбери.

Проснулся Ринсмангл от сильного грохота, который вскоре прекратился. В коробке было абсолютно темно. Немного подождав, он осторожно выглянул наружу.

Первое, что он увидел, был еще один гном.

– Привет, – сказал гном. – Там что-то интересное? Кажется, консервы с печеными бобами. Слушай, помоги достать банку!

Совместными усилиями они принялись терзать картонную коробку, пока оттуда не выкатилась одна из банок. Коробка стояла на верхней полке стеллажа, но другой гном вскарабкался на нее легко, как опытный альпинист. Банку они спустили вниз на куске нити.

– Меня зовут Перьеголовый, – представился гном. – Ты здесь недавно, правильно? Только что из деревни?

– Вообще-то я думал, что я единственный гном во всем мире, – признался Ринсмангл.

– Что ты, нас здесь полно! Кому захочется жить в дупле дерева, когда можно поселиться вот в таком универмаге?

За разговором они выбрались из кладовой и отправились в путь, катя перед собой жестяную банку. Магазин, конечно, закрыли на ночь, но кое-где еще горел свет. Один раз они чуть не попались даме, мывшей пол, и пришлось прятаться. Но после долгого и трудного подъема по лестнице Перьеголовый привел Ринсмангла к жилищу гномов.

Гномы выстроили себе дом под досками пола – между магазином игрушек и отделом строительных товаров. А еще они... скажем так... «одолжили» множество сегментов железной дороги из магазина игрушек и собрали нечто вроде подпольного метро до самого ресторана. Они даже установили телефонную связь между колонией и гномами, жившими двумя этажами ниже – в отделе мужских костюмов. Конечно, увиденное потрясло Ринсмангла. Когда он вошел в дом гномов вместе со своим новым другом Перьеголовым, толкая перед собой банку с печеными бобами, он почувствовал себя не в своей тарелке. Гномы жили в маленьких картонных домиках под половицами – с просверленными в них отверстиями для света. Перьеголовый вкатил жестянку в дом и закрыл за собой дверь.

– А тут намного лучше, чем в старом дуплистом дереве, – озираясь, заметил Ринсмангл.

– Должно быть, все в ресторане, – пробормотал Перьеголовый. – Между прочим, здесь живут около трехсот гномов. Откровенно говоря, я не очень-то понимаю, зачем ты мучаешься в дупле! Большинство гномов уже много лет обитают в закрытых помещениях!

Он провел Ринсмангла вдоль пола, затем они пролезли через дыру в кирпичной стене и оказались на очень узком уступе. «Здесь у нас лифт», – пояснил Перьеголовый. Конечно, гномам удавалось воспользоваться большим лифтом, но для удобства на краю шахты они соорудили другой – поменьше, приводившийся в движение заводным механизмом.

После долгого спуска во тьме они прибыли в отдел мужских костюмов. Он был ярко освещен. Несколько гномов работали на гигантской швейной машине.

– Добрый вечер! – крикнул один из хлопотливых гномов, потирая руки. – Привет, Перьеголовый! Чем могу помочь?

– Мой друг одет в кротовые брюки, – ответил Перьеголовый. – Вы не могли бы сшить ему что-нибудь изящное из твида? Мы не можем допустить, чтобы гном выглядел так, будто только что вылез из гриба!

Гномы-портные стали трудиться не покладая рук. Они сшили Ринсманглу костюм из квадратика ткани, позаимствованного из каталога образцов. Остатков хватило даже на запасной жилет.

Перьеголовый повел Ринсмангла обратно под половицы, а потом в отдел игрушек, где большинство гномов проводили ночь (отсыпались они днем, пока магазин работал). Все лампы ярко горели. Два гнома затеяли гонки на игрушечных автомобильчиках вокруг выставочных стендов. Другие гномы, разбившись на две команды, устроили на большом настольном футболе товарищеский матч. Собравшаяся толпа зрителей пищала от возбуждения.

– Неужели люди никогда не приходят сюда ночью? – осведомился немного шокированный Ринсмангл. – Я к тому, что... разве вы не выставяете дозорных и все такое?

– О, после уборщиц сюда вообще никто не заходит, – ответил Перьеголовый. – Весь магазин принадлежит только нам!

Но гном ошибся. Дело в том, что работники универмага уже давно заметили, как по ночам исчезает еда и с места на место перемещаются вещи. Однако они были разумными людьми и не верили в гномов. Поэтому купили кота.

Ринсмангл увидел его первым. Оторвав взгляд от футбольного поля, он заметил огромный зеленый глаз, пристально наблюдавший через приоткрытую дверь. Ринсмангл никогда не видел кошек, но это чудище было похоже на лису. А кто такие лисы, он знал не понаслышке.

– Спасайся, кто может! – завопил он что есть мочи.

Кот толкнул дверь, и в этот раз его заметили все. Пронзительно и тревожно закричав, несколько гномов откатали ковер и раскрыли люк в подземное жилище, но было слишком поздно. Кот скачками вбежал в комнату и устался на гномов.

– Стойте где стоите, – прошипел Ринсмангл. – Он схватит вас, если вы побежите!

К счастью, все гномы замерли – возможно, из-за того, каким тоном это было сказано. Быстро поразмыслив, Ринсмангл бросился к одной из игрушечных машин. Кот попытался его догнать, но гном уже газанул с места.

Он не очень хорошо управлялся с рулем, но тем не менее сумел выехать из отдела игрушек, прежде чем врезаться в витрину. Быстро выскочив из перевернувшейся машины, он вскарабкался на стебель растения в горшке ровно в тот момент, когда кот бросился к нему.

Гном Ринсмангл вскарабкался на растение в горшке ровно в тот момент, когда кот стремглав помчался за ним. С самого верхнего листа ему удалось перескочить на полку. Затем он подбежал к стопке фарфоровых тарелок и спрятался за нею, уронив, к сожалению, несколько из них на пол.

Примерно через полчаса коту надоело ждать, и он побрел прочь. Ринсмангл осторожно спустился вниз.

Когда он вернулся в жилище гномов под досками пола, там царил настоящий хаос. Некоторые семьи собирали пожитки, другие о чем-то шумно спорили.

Перьеголового он застал укладывающим свои вещи в старую банку из-под чая.

– О, привет! – сказал Перьеголовый. – Ловко ты придумал отвлечь кота!

– А что ты делаешь?

– Ну... ведь теперь, когда у них есть кот, мы же не сможем оставаться здесь, верно? – проговорил Перьеголовый.

Кот стал лишь частью свалившихся на них бед. В ту же ночь к ним поднялся сторож, обычно дежуривший на первом этаже. Увидев на полу сломанные вещи, он немедленно вызвал полицию.

Весь следующий день взбудораженные гномы пытались уснуть, и, когда магазин закрылся на ночь, главные гномы созвали всех на срочный совет. Им оставалось только уходить – в этом не было сомнений. Но куда?

И тогда Ринсмангл встал и сказал:

– А почему бы вам не вернуться назад на природу? Ведь гномы когда-то жили там.

Все потрясенно затихли. Наконец один толстый гном возразил:

– Но здесь такая чудесная еда... А за городом водятся дикие звери. Я слышал, они даже хуже кошек!

– Кроме того, – добавил кто-то еще, – как мы туда попадем? Нас тут триста! А до природы много миль!

В этот момент в помещение ворвалась парочка встревоженных гномов, тащивших за собой блюдо с синим порошком. «Оно странно воняет!» – воскликнули они. Блюдо было найдено в ресторане.

Ринсмангл принялся.

– Это яд, – произнес он. – Они думают, что мы – мыши! Говорю вам, если мы не уберемся отсюда как можно скорее, нас всех убьют!

– Думаю, он прав, – сказал Перьеголовый. – Но как нам уйти? Представьте, сколько дорог нам придется пересечь!

С каждым днем положение гномов становилось все хуже и хуже. После того как люди расходились по домам, в магазине, кроме кота, оставались сторожа, бродившие теперь по этажам. Гномы едва осмеливались выходить наружу.

Но, несмотря на очевидную нависшую над ними опасность, они никак не могли придумать, как уйти. Никому не хотелось оказаться в городе со всеми его опасностями. Каждый день в магазин заезжали грузовики с товарами, но далеко не все гномы готовы были стать безбилетниками – ведь никто не знал, куда их занесет.

– Нам так много придется брать с собой! – стонал Главный Гном, сидевший с печальным видом на пустой катушке из-под ниток. – Веревки, одежду, кучу других вещей! А еще еду. Иначе многие молодые гномы не продержатся на природе и пяти минут. Ты же видишь, какая у нас была легкая жизнь!

Ринсмангл почесал в затылке.

– Согласен, но рано или поздно все равно придется решиться. А где Перьеголовый?

Перьеголовый – тот самый гном, у которого остановился Ринсмангл, – тем временем организовал набег на книжную секцию в надежде отыскать литературу о жизни на природе.

Группа усталых гномов вернулась ближе к рассвету, волоча за собой большой бумажный пакет.

Но в нем лежала всего одна книга, не имевшая никакого отношения к жизни на природе. Ринсмангл посмотрел на нее долгим взглядом.

– «Самоучитель езды на автомобиле», – прочитал он название. – Хмм...

Открыв с некоторым трудом книгу, он увидел большое изображение органов управления автомобилем. Воцарилось долгое молчание.

Наконец Главный Гном сказал:

– Все это, конечно, очень интересно, но я не думаю, что ты достаточно большой, чтобы управлять хоть чем-нибудь!

– Это да, – согласился Ринсмангл, – но все же... Перьеголовый, ты можешь показать, куда здесь на ночь ставят грузовики? У меня появилась одна идея...

Ранним вечером следующего дня два гнома добрались до большой подземной автостоянки, на которой парковались грузовики универсама.

Путешествие заняло довольно много времени, поскольку книгу они тащили за собой по очереди.

На то, чтобы изучить грузовик, потребовалась целая ночь. В отдел игрушек они вернулись только под утро – очень усталые и испачканные машинным маслом.

Ринсмангл собрал гномов вместе.

– Думаю, мы сможем покинуть это место со всеми вещами, – объявил он. – Но для этого надо потрудиться. Видите ли, придется ехать на грузовике.

Чтобы научить гномов управлять автомобилем, он нарисовал множество схем и чертежей. Сотня гномов станут поворачивать руль, дергая за веревки, а пятьдесят возьмут на себя рычаг переключения передач. Другие группы гномов будут жать на педали, когда это необходимо, а еще один гном заберется на зеркало заднего вида, откуда будет подавать команды через мегафон.

– Выглядит несложно, – заметил Ринсмангл. – Судя по всему, вождение – это всего лишь толкание и вытягивание нужных вещей в нужное время.

Один пожилой гном встал и нервно воскликнул:

– А я не уверен, что у нас получится! Мне кажется, за рулем должен быть кто-то побольше.

Но многие молодые гномы восприняли идею с энтузиазмом, и работа закипела.

Весь остаток недели гномы были очень заняты. Гномы помладше выкрали веревочные обрывки из отдела скобяных изделий и несколько раз сходили к грузовикам, чтобы сделать замеры и прикинуть, как лучше организовать управление. Старшие гномы тем временем скачивали пожитки вниз по этажам, пока все они не скопились в потолке над гаражом.

Тщательно отобранная группа отважных гномов-альпинистов выяснила, где именно находится ключ от грузовика (оказалось – высоко на крючке в маленьком офисе). Ринсмангл в это время изучал дорожные карты и гадал, что такое «Правила дорожного движения».

Наконец день выезда настал.

– Мы должны действовать быстро, – сказал Ринсмангл, когда последний продавец покинул здание. – Прямо сейчас. Бегом!

Пока гномы спускали свои пожитки с потолка гаража в кузов грузовика, Ринсмангл во главе передового отряда гномов проник в кабину через отверстие у педали тормоза.

Для них это было все равно что очутиться оказаться в большом пустом зале. Руль казался огромным и слишком высоким.

Встав друг другу на плечи, гномы выстроились в живую пирамиду. Взобравшись на спину самого верхнего гнома, Ринсмангл сумел перебросить конец веревки через рулевое колесо. Вскоре они закрепили несколько веревочных лестниц и приступили к работе.

Согласно плану, рулить они должны были двумя веревками, привязанными к рулю, усилиями пятидесяти гномов на каждой. Пока разбирались с этой частью управления, вторая группа гномов соорудила нечто вроде платформы у ветрового стекла – достаточно большой, чтобы Ринсмангл мог стоять там и отдавать приказы через мегафон.

Подходили и другие гномы, которых Перьеголовый распределял по разным позициям. Вскоре вся кабина оказалась увешана веревочными лестницами, блоками, а также временными деревянными платформами, на которых, держась за рычаги и веревки, висели многочисленные гномы.

Наступил самый волнующий момент – когда два мускулистых гнома подняли ключ и всунули его в замок зажигания. Совместными усилиями они повернули его, и зажегся свет.

– Ну что ж, – произнес Ринсмангл, окинув взглядом замершую в ожидании толпу. – Нам предстоит непростое дело, так что давайте начинать.

Перьеголовый присоединился к нему на платформе, затащив туда же «Самоучитель езды на автомобиле» и карту улиц Блэкбери.

– По команде «Заводи!» ответственные за кнопку стартера хорошенько прижмут ее, а группа... э-э-э... акселератора ненадолго нажмет на педаль, – неуверенно разъяснил задачу Ринсмангл. – Гномам, управляющим сцеплением и рычагом переключения передач, – приготовиться! Заводи!

Конечно, получилось не сразу. Прошло довольно много времени, прежде чем гномы поняли, как завести грузовик правильно. Но в конце концов двигатель заработал, и вся кабина загудела, как гонг.

– Включить фары! Сцепление вниз! Первая передача! – крикнул Ринсмангл, перекрывая шум двигателя.

После нескольких жутких скрежетов огромный грузовик тронулся вперед.

– А как насчет гаражных ворот? – запоздало выкрикнул Перьеголовый.

Грузовик неумолимо двигался дальше. Раздался сильный грохот, и они оказались на улице.

– Руль влево! – хрипло заорал Ринсмангл. – Теперь выровнять!

На несколько минут кабина наполнилась криками и стуками, пока гномы жали и тянули органы управления. Грузовик мотало из стороны в сторону, несколько раз он заезжал на тротуар, но, по крайней мере, продолжал ехать. Ринсмангл осмелел настолько, что даже отдал команду переключить передачу.

Грузовик рыскал и грохотал по темным улицам Блэкбери, иногда задевая бортами фонарные столбы. Время от времени с жутким лязгом переключались передачи.

Управлять им было не просто. К тому времени, когда до ушей нижних гномов долетала команда Ринсмангла, обычно бывало уже слишком поздно. Хорошо еще, что в это время на улицах почти не бывает машин, иначе они непременно бы попали в неприятную аварию.

Проскочив перекресток на красный свет, они выехали на главную улицу Блэкбери, сбив по дороге чей-то почтовый ящик. Перьеголовый глядел в огромное зеркало высоко над ними, в котором отражалось то, что происходит сзади.

– Там машина с большими мигающими синими фонариками, – сказал он как бы между прочим. – Слушай! Кажется, на ней воет сирена...

– Я уверен, что это для красоты, – ответил Ринсмангл, который на самом деле даже не вслушивался. – Эй, гляди! Мы выехали на прямую дорогу из города. Пора переключаться на верхнюю передачу!

Раздался глухой удар и скрежет, но гномы уже набрались опыта, так что грузовик со свистом помчался дальше, по-прежнему рыская из стороны в сторону.

– Машина с мигающими фонариками все время пытается нас обогнать, – доложил Перьеголовый. – Ух! Мы на нее чуть не наехали.

Он вытянул шею и пригляделся еще раз.

– Там внутри два человеческих существа в фуражках. Ух! Кажется, они разъярены.

– Наверное, кто-то расстроился из-за всех этих фонарных столбов, которые мы сбили. Должно быть, так делать нельзя, – предположил Ринсмангл.

К сожалению, в этот момент он отвлекся и перестал смотреть на дорогу.

Грузовик с грохотом соскочил с дороги и проехал прямо через живую изгородь. За нею оказалось вспаханное поле, и гномам пришлось крепко вцепиться в веревки, когда кабину сильно затрясло.

Полицейская машина с визгом остановилась. Двое в фуражках выскочили из нее и с криками побежали за грузовиком по полю.

Грузовик сломал еще одну изгородь и вспугнул стадо коров. Ринсмангл посмотрел в окно. Впереди был лес, а за ним тянулись к небу вересковые склоны Ровной Пустоши.

– Приготовиться покинуть грузовик! – крикнул он.

Машина углубилась в лес и заглохла посреди густых зарослей ежевики. Внезапно стало очень тихо.

В следующие очень напряженные пять минут гномы выгружали свои пожитки из кузова грузовика. К тому времени, когда до них добежали полицейские, гномы уже скрылись с глаз. Ринсмангл и Перьеголовый сидели на высокой ветке ежевики и смотрели, как вокруг брошенного грузовика ходят озадаченные мужчины. Покопавшись в кабине и не обнаружив там ничего, кроме маленьких веревок и лестниц, они побрели прочь, о чем-то споря.

Когда полицейские окончательно ушли, гномы повыползали из своих укрытий и собрались вокруг Ринсмангла.

– Отсюда до Ровной Пустоши всего несколько сотен ярдов, – объявил он. – Предлагаю день переждать здесь и следующей ночью тронуться в путь!

Гномы разожгли костры и принялись готовить завтрак. Многие задавались вопросом, каково это – снова поселиться на природе после столь долгого пребывания в городе. Конечно, многие малыши (я имею в виду тех, кто был даже меньше, чем средний гном) ждали этого с предвкушением. Но все уже понимали, что предстоит много тяжелой работы.

На следующее утро браконьер, вернувшийся домой к завтраку, рассказывал жене, что видел множество маленьких огоньков, карабкавшихся вверх по склонам Пустоши. Она не поверила ему, но, возможно, поверишь ты?

Дышите коротко и экономно

Газета Bath and West Evening Chronicle, 9 октября 1976 г.

Неумолимый поток времени размыл память о том, что именно побудило меня написать эту вещичку. Вероятно, идея возникла после того, как я прослушал слишком много незрелых идей от слишком многих незрелых политиков, которые во что бы то ни стало пытались проявить отеческую заботу, но удивительным образом все портили. Такие существуют по сей день.

Обращение уважаемого Данкана Необузданного, члена Парламента, новоназначенного Верховного главы министерства Свежего воздуха

Добрый вечер. *(делает глубокий вдох)*

Как вам уже, несомненно, известно, Британия столкнулась с воздушным кризисом угрожающих масштабов. В некоторых районах запасы свежего воздуха иссякли до угрожающих... нет, это слово я уже говорил... до критических уровней. Почему так, спросите вы? *(подходит к доске с диаграммой, стоящей за креслом)*

Много лет мы были уверены в регулярных поставках свежего воздуха из Атлантики. Но, к большому сожалению, спрос уже превысил предложение. Отдельные граждане *(тычет в маленькие черные цифры на диаграмме)* настаивают на своем праве дышать без ограничений, лишая тем самым воздуха всех остальных людей.

(строго стучит указкой по диаграмме)

Правительство хорошо осведомлено об этой проблеме примерно с обеда, вследствие чего я обращаюсь к вам в качестве нового Верховного главы министерства Свежего воздуха вместо того, чтобы председательствовать в Подкомитете чайного столика Палаты Общин. Ведь даже нам, политикам... ха-ха... приходится дышать, хотя, конечно, некоторые из нас дышат медленнее, а другие побыстрее.

Несмотря на то что, к сожалению, жителям Южного Уэльса и промышленных районов Мидленда дозволено дышать только по восемь часов в день, в то время как Шотландия и Юг имеют достаточные запасы свежего воздуха, перераспределение воздушных масс обошлось бы нам слишком дорого.

Однако в настоящий момент рабочая группа в строгом соответствии с политикой Правительства рассматривает вопрос о принятии закона, который обяжет жителей районов с избытком свежего воздуха в строгом порядке носить противогазы, наполненные бутилированным смогом. Демократия есть демократия.

Согласно заключению метеорологов, на то, чтобы пополнить запасы свежего воздуха, нам понадобится ветер скоростью сто миль в час, дующий в течение трех месяцев подряд. Но что мы совместными усилиями можем предпринять уже сейчас?

Вот как вам надлежит поступать:

— Дышите очень медленно. Сотрудники нашего министерства уже готовят подробную инструкцию.

— Эксплуатация любых помп, вентиляторов и ветряных мельниц строго запрещена. Штраф за нарушение – 400 фунтов стерлингов. Все излишки свежего воздуха должны быть направлены в главные отрасли промышленности. Помните: для изготовления одной автомо-

бильной шины требуется четыре миллиона кубических футов воздуха, а для производства одного кубического дюйма коврового покрытия – не менее двух тысяч микропузырьков.

– Старайтесь дышать неглубоко. Вместо этого лучше принять холодную ванну... простите... я хотел сказать, лучше обильно обтереться слюной. Министерские кошки уже готовят видеодемонстрацию.

– Засуньте в нос кусочки кирпича.

– Выдыхаемый вами воздух можно использовать для надувания шаров, шин, согрева рук и охлаждения каши.

Если мы все вместе будем следовать этим простым правилам, то уже в скором времени сможем выпятить грудь и с гордостью заявить, что британская смекалка и приспособляемость одержали очередную победу. Благодарю за внимание. *(медленно выдыхает)*

Сказание о Гластонбери

Газета Bath and West Evening Chronicle, 16 июня 1977 г.

На самом деле я горжусь этой вещью, в ней есть немалая доля правды. Отчетливо помню, как однажды солнечным вечером я возвращался домой из Бата и подобрал первого попутчика. А затем к нам присоединились еще несколько автостопщиков, направлявшихся в Гластонбери. Действительно, оглядываясь назад, я понимаю, что почти все мною написанное так или иначе имеет основу в реальном мире. Но, как говаривал еще Марк Твен – «я всего лишь немного подсвечиваю случившееся то тут, то там». Только сказал он это по-американски. Я определенно помню дым, валивший из-под моего фургона, и то, как поспешно опускал оконное стекло, не отводя взгляда от направлявшегося ко мне Господина Полицейского. Как бы то ни было, доехав до Гластонбери, я открыл заднюю дверь фургона и увидел там некую призрачную дымку, на которую, впрочем, никто не обратил внимания. Потом последовал ряд более приятных и лучших дней. Так что, если вдруг найдется кто-то из тех, кого я тогда подвез, то буду рад получить весточку. Впрочем, полагаю, сейчас они весьма занятые люди – работают премьер-министрами или кем-нибудь в этом роде.

Мчал фургон однажды (водителем был я),
Спешил домой к закату трудового дня.
Вдруг где-то возле Бата взметнулася рука,
И я увидел хиппи – автостопщика.
Стоял он у дороги, страдая от жары.
И вид его был жалок, и волосы мокры.
Уже он был не молод, вернее – не совсем.
И что устал он очень, внушал он видом всем.
«Мне в Гластонбери нужно». «Запрыгивай скорей!» –
Сказал я, и улыбка его стала теплой.
«Ништяк! – он мне ответил. – Голосовать – отстой»,
Соорудив сигарку со странною травой.
А после он поведал, как завтра провести
День так, чтобы надолго экстаз приобрести.
И «Фестиваль семерок»³, и Тор⁴, само собой –
Космических преданий там хватит с головой.
Но, пару миль проехав, вновь тормозить пришлось –
Еще четыре путника к обочине плелось.
Дорогой утомленный, печален был их вид,

³ Неподалеку от города Гластонбери (Великобритания) с 1970 года проводится Гластонберийский фестиваль современного исполнительского искусства (англ. Glastonbury Festival of Contemporary Performing Arts, часто сокращаемый до Glastonbury или Glasto). Мероприятие с первых лет своего существования получило репутацию «британского Вудстока» и традиционно считается одним из главных событий музыкального года в Британии. Фестиваль в Гластонбери славится прежде всего своими рок-концертами, однако в рамках его проходят также многочисленные выступления танцевальных, фольклорных, театральных и цирковых коллективов, устраиваются художественные экспозиции. «Фестиваль семерок» указывает на год написания стихотворения – 1977 г.

⁴ Гластонбери-Тор, или Холм святого Михаила, – естественный холм высотой 145 метров, над которым вздымается средневековая башня церкви св. Михаила, поврежденной землетрясением 11 сентября 1275 года. Издревле Тор связан в народных поверьях с легендами о короле Артуре. В настоящее время холм привлекает внимание оккультистов и исследователей паранормальных явлений, которые признают его за портал в потусторонние миры.

И в воздухе носился уныния флюид
Промеж них. Я закинул назад их скудный скарб –
Три рюкзака, палатку и парочку гитар.
Один уфолог был, другой сказал, что сеть
Геоманитных точек есть, и можно рассмотреть
Скопление их в Гластонбери. А девушка одна
В глубины астрологии была погружена.
«Ты же весы?». «Нет». «Овен?». «Нет». «Не верится, ведь я
Не ошибаюсь никогда», – сказала мне она.
«Наверное, ты дева?». «Нет». Затем, подумав: «Лев?
Или, быть может, скорпион?» – спросила нараспев.
«Рак?.. Рыбы ты?.. Телец?» «О да», – я отвечал.
Подобный колокольчику смех женский прозвучал.
В ладоши хлопнув, леди воскликнула: «Ура!
Опять я угадала!» Но тут еще одна
Девчоночка вся в черном остановила нас.
«Здоровья! – объявила она нам всем тотчас,
В машину забираясь. – Увы, судьба моя
Всегда машины тормозить, поскольку ведьма я».
«Ого!» – сказал искатель сокрытых тайн в земле,
Представив ведьму голой верхом на помеле.
А я подумал: «Девочка, встречал таких как ты
На многих вечеринках я, и все видал понты.
Сначала по рукам гадаешь ты и много пьешь
С надменным видом, а потом под лестницей блюешь».
Семь человек в фургоне плюс палатки, рюкзаки...
Вес для подвески старой – отнюдь не пустяки.
Колеса издавали ужаснейший скулеж,
Лишь только – пусть совсем слегка – на тормоза нажмешь.
А дальше вышло то, что я обязан рассказать:
Нам семерым чуть не пришлось взглянуть судьбе в глаза.
Послушайте, инспектор, я спокойно вел фургон,
Недоуменно слушая таинственный жаргон
Своих попутчиков, и вроде спор их о
Реинкарнации, что для меня темно.
Ибо мне кажется, что если я умру,
То только в виде трупа себя я претворю.
Но это к слову. А теперь скажу я честно вам,
Как получилось, что мы чуть не разбились в хлам.
Коровье стадо поперек дороги вдруг пошло.
Я тормозить стал, но фургон тяжел был, как назло.
Когда дорога горяча и шины – быть беде.
Нас занесло таинственно. Ну и, вы знаете,
Фургон, как будто стиснув зубы, дернулся вперед.
Все пассажиры побледнели, чувствуя исход.
Все – сумки, тапки, бусы, шнурочки, бубенцы –
Посыпалось в салоне, как в бочке огурцы.
Сносить машину продолжало, стал молиться я,
Чтоб цифра «семь» не значила приход небытия.

Вскричала ведьма: «Господи!», тем самым подтвердив:
Не следует чураться и других альтернатив.
Но, наконец, с геройским скрипом тормознули мы,
Застывши в семи дюймах от большого вымени.
И должен вам сказать как есть, нисколько не тая,
Что Гластонбери всякий раз нервирует меня.
Ужасный мелкий городок скулящих торгашей,
Битком набитый сонмом понаехавших гостей...
Я высадил их возле Тора и надеюсь, что
Нашли они и обрели кусок Земли Святой...
Священной для чего? Не ведаю сего.
Ведь Гластонбери окружает тайный ореол.
Я атеист и жизнелюб, но стал вдруг размышлять:
Что же еще, кроме коров, я должен был понять?..

Хуже дурака только старый дурак, стоящий в английской очереди

Газета Bath and West Evening Chronicle, 14 января 1978 г.

Это одна из тех вещей, которые создаются, чтобы выпустить пар. Вы подвергаетесь тому, что покойная Патрик Кэмпбелл⁵ называла «жизненными невзгодами», но вместо того чтобы вымещать раздражение на живых людях, изливаете гнев на бумагу во время перерыва на чай – и благополучно об этом забываете. А потом эти записи оказываются здесь.

Текст телевизионного выступления distinguished Мориса Плясуна – новоназначенного Министра по делам очередей, которое вскоре будет представлено широкой публике.

Добрый вечер! Обратите внимание, как я решительно произнес «добрый вечер». Я не стал тянуть и откладывать на потом. Я пришел и сказал сразу, как есть: добрый вечер!

Многие из вас наверняка зададутся вопросом: зачем нужен Министр очередей? Ну, это же очевидно! В конце концов, на дворе уже (*бросает взгляд на информационную доску позади камеры*) 1978 год – эпоха реактивных двигателей. И мы все должны, ха-ха (*ухмыляется*), как-то примириться с этим фактом и по возможности не сбрендить... в смысле, не свихнуться. Не чокнуться. Не потерять разум.

Наше Правительство в своей неусыпной заботе о гражданах обратило внимание, что многие жители нашей страны слишком долго стоят в очередях. Созданная нами Комиссия Равных Скоростей обязательно примет меры, призванные решить эту проблему. Даже не сомневайтесь.

Взять, к примеру, почтовые отделения. Иногда нам нужна обыкновенная марка за десять с половиной пенни. Естественно, мы идем на почту, встаем там в очередь, но почти всегда прямо перед нами оказывается кретин, желающий отправить посылку с живыми муравьями куда-нибудь в Боливию, обновить права на управление газонокосилкой и готовый ударить любого, кто помешает ему заполнить чудовищных размеров бланк!

Естественно, все стоящие за нами в очереди немедленно перебегают к трем другим свободным кассам, а этот эгоистичный олух достает кошелек и начинает расплачиваться самыми мелкими монетами! С чрезвычайно самодовольным видом! (*осознав, что до сих пор стоит, министр неловко покашливает, поправляет галстук, садится, приглаживает волосы*)

Извините, немного увлекся. А теперь – банки. Вы идете к стойке быстрого обслуживания обналичить чек, скажем, на десять фунтов, как вдруг внезапно выясняется, что дама, стоящая перед вами, оказывается, желает произвести сложную финансовую транзакцию, для которой требуются множество телефонных звонков и выписки из больших учетных книг.

Естественно, вы бросаетесь к соседней стойке, но в этот момент стоящий возле нее мужчина открывает портфель и вынимает десятки маленьких мешочков с монетами, которые обязательно нужно взвесить и пересчитать!

Сколько раз вы приезжали на железнодорожный вокзал, будучи уверенными, что времени до отхода поезда вполне хватит, и тут же натыкались у кассы на какого-нибудь беззаботного человека, вступающего в длительные переговоры об обратном билете во Владивосток? Причем кассир, вместо того чтобы вежливым движением руки отправить его в конец очереди,

⁵ Стелла Патрик Кэмпбелл (1865–1940) – английская актриса и близкая подруга писателя и драматурга Бернарда Шоу, известная участием в пьесах Уильяма Шекспира, Бернарда Шоу, Артура Пинеро, Мориса Метерлинка, Генрика Ибсена и др. Героиня пьесы «Милый лжец».

вступает с ним в диалог, поскольку этот билет стоит намного больше, чем обычные на электричку до Лондона.

О да! Таких, как он, я примечаю в любой толпе! Он из той породы людей, кто успевает втиснуться на автозаправку вперед меня, а затем очень медленно наполняет бак машины из одной-единственной доступной колонки. Казалось бы, нам всем хорошо известно, как заставить эти приспособления для самообслуживания заливать по десять галлонов бензина за секунду, но не таков этот парень! О нет, он теребит заправочный пистолет, словно подозревает в нем попытку утаить несколько капель, а когда наступает черед оплаты, он вынимает чековую книжку, о-о-очень медленно осведомляется у продавца, какую ставить дату, а затем говорит: «Кстати, извините за беспокойство, у вас есть ремень вентилятора охлаждения для «Остин Трандлер» 1954 года?»

Мало того, он еще и улыбается с невыразимым нахальством. «О да! – думает он самодовольно. – Я первый в очереди. О да, я могу простоять весь день, если захочу. Что мне до чужого зубовного скрежета? Я никуда не тороплюсь, куплю еще пять пинт масла, ветровку с капюшоном, один из этих кошмарных маленьких освежителей воздуха и автомобильную карту Анголы».

А лавки скобяных товаров? Эти паразиты там плодятся как мухи! Вы смиренно ждете своей очереди с маленьким пакетом простых гвоздей, а этот гад говорит продавцу: «Извините за беспокойство, мне нужен замок». Пересчитав все замки в магазине, он решает сходить домой и снять размеры, а пока: «Вы не могли бы показать мне петли?»

Раньше, если бы вы схватили с прилавка, допустим, 22-миллиметровую медную трубу и как следует стукнули эту сволочь, то наша устаревшая правовая система обошлась бы с вами довольно сурово. Но теперь бояться нечего! Отныне, если только они не являются официально зарегистрированными пенсионерами, вы можете поступить с ними так, как они давно заслуживают! Пусть не ходят никуда и не жалуются. Это их как следует проучит!

Я вам так скажу: что толку находиться у власти, если ты не можешь ею воспользоваться! Господи, как я их ненавижу. Сколько часов я провел, стоя позади женщин, которые открывают одну сумку, в ней открывают другую сумку, потом открывают ридикюль и достают оттуда кошелек, а из него достают деньги, чтобы заплатить... *(вмешивается чей-то голос: «Вы собираетесь говорить всю ночь? У меня простой блок новостей, а вы находитесь в эфире уже двадцать минут!»)*

Спасибо. Доброго всем вечера.

Ку-ку, меня заменили птичкой

Газета Bath and West Evening Chronicle, 8 апреля 1978 г.

Честное слово, на меня нахлынули воспоминания. Когда в добрые старые времена я работал в ежевечерней газете Бата, моим обычным рабочим местом стал сарай – самый настоящий, довольно дешевый садовый сарайчик, располагавшийся (если я правильно помню) на крыше напротив окон комнатки, служившей рабочим местом для девушек с телевидения, которые ни за что бы не стали работать в сарае (особенно в таком, как мой). Он был настолько ветхим, что когда я случайно сдвинул доску пола в одном углу, то увидел там гнездо с голубями. Я стал их подкармливать. В то время я занимался всякой литературной поденичиной – вроде написания газетных репортажей. Как ни странно, в такой жизни была своя прелесть – если, конечно, вас не раздражает постоянное соседство голубей. И хотя я уже не помню всех подробностей, но могу предположить, что мои маленькие соседи вдохновили меня на написание этой маленькой пьесы.

По сообщению журнала «Радио Таймс» (который не может лгать), русские экспериментировали с голубями, заставляя их выполнять несложные производственные задания на своих фабриках...

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Хочу сказать сразу, что я работаю здесь, на фабрике «Дугвиласгивический инструмент и коллектив» уже 12 лет и никогда не имел нареканий. Я не обращался за визой в Израиль, не проявлял интеллекта и всегда содержал производственную линию в такой чистоте, что с нее можно было есть. Здесь нет другого человека, который мог бы сказать о себе то же самое, а вернее (если говорить напрямую) здесь вообще нет других людей⁶.

Я, конечно, понимаю, что, будучи скромным мастером промышленной гигиены третьего разряда, я не вправе критиковать решения, принятые вышестоящим партийным аппаратом (во всяком случае, если не хочу оказаться запертым в стенах Дугвиласгивического института психического здоровья), но я не могу не вспомнить старые времена, когда здесь работало 1300 товарищей рабочих... в смысле, человеческих рабочих... Прошу не воспринимать эти слова за критику работы моих теперешних пернатых товарищей.

Просто я хочу сказать, что на производственной линии теперь не раздаются человеческие голоса – только постукивание тысячи крошечных клювиков да шелест перьев. Иногда это сводит меня с ума. А взять, к примеру, выезды на природу... Раньше они были очень приятными. Всем коллективом мы ездили на автобусах к Нодиновороградскому сверхморю с несколькими ящиками водки. Теперь все стало по-другому. Очень трудно наслаждаться пикником, когда ты единственный человек на тринадцать автобусов, а все остальные товарищи-рабочие сидят в больших плетеных корзинах. Когда мы доезжаем до места, я, конечно, выпускаю их, но они немедленно улетаю

⁶ Примечание автора: Надо было написать «товарищей», да?

домой, оставляя Джованна Джоварисча Простакова с его смешной шляпой и мешком моллюсков в полном одиночестве.

Возможно, я бы не слишком переживал по этому поводу, но когда я решил пожаловаться Старшему надзирающему за промышленной гигиеной, он просто улетел.

В столовой теперь все тоже изменилось. Ведь никто не станет готовить на обед помимо 1300 порций зерновой смеси только одну рыбу с картошкой во фритюре, верно? Вот и приходится или жевать бутерброды, или сидеть вместе со всеми на кормовом насесте, терпеть удары клювами по пальцам и не пикать.

И это я еще не вспоминаю о позорной судьбе фабричной команды по дартсу, унижительном поражении в бильярдной лиге, неприглядной встрече со звездами КГБ на футбольном поле, об ужасном разгроме, устроенном на международном шахматном турнире, и о том случае, когда я попросил делегата из братского Китая не снимать на фабрике шляпу, а он меня не понял.

Я высоко ценю идеи, высказанные в газете «Правда»: о том, что в отношении братьев наших меньших мы не станем вести себя как капиталисты, о великом единении всех теплокровных существ в соответствии с истинным марксистским учением и о том, что каждый голубь на заводе освобождает человека, а значит, дает этому человеку возможность строить подводные лодки. Но я ведь, получается, работаю здесь лишь потому, что мои товарищи-рабочие слишком малы, чтобы полы мести!

Кроме того, я хотел бы выразить протест против того, что попугай на коммутаторе не позволяет мне делать личные звонки. А что касается фламинго, работающего в буфете... как думаете, чем он размешивает чай?

Надеюсь, что это сообщение дойдет до вас, поскольку я прикрепил его к ноге одного из моих товарищей по работе, который собирается посетить родственников. Он сказал, что те живут в маленьком гнезде прямо за окнами вашего кабинета.

Заранее благодарю!

С братским приветом,

ТЕРРИ ТЕРРИЯНОВИЧ ПРАТЧЕТТ

PS: Извините, что письмо немного обкусано – здесь только что с облетом побывал главный инженер. Вы же знаете, какими маленькими негодьями могут быть эти волнистые попугайчики.

И помни о монолитах

Газета Bath and West Evening Chronicle, 1 апреля 1978 г.

Примерно в то время, когда был написан этот рассказ, где-то неподалеку от города Фарнем (графство Дорсет) реконструировали деревню Железного века. Я жил не очень далеко от этого места, и у меня были там знакомые. В это воссозданное доисторическое поселение завозили добровольцев и снимали документальное кино о буднях человека Железного века. Правда, ходили слухи, что местные жители втихаря снабжали «древних», довольно одичалых обитателей сигаретами и (если правильно помню) мягкой туалетной бумагой. Ни в коем случае не поручусь за правдивость этих сведений, но, похоже, подобные вещи тогда были в моде, и для работающего журналиста, глядящего на мир сквозь стаю голубей, они вполне могли сыграть роль спускового крючка. Так что, мальчики и девочки, настройтесь на юмор в стиле английского мюзик-холла – и вперед!

Вы ни за что не сможете пройти мимо нас – палеолитической деревни телекомпании НТВ! Вернее, сможете, если будете недостаточно внимательны. Попасть к нам довольно просто: идете мимо реконструированной крепости Йоркширского телеканала, поворачиваете налево у стоянки Бронзового века телекомпании LWT, проходите рядом с иберийской деревней «Южного Телевидения», и вот вы уже возле поля, на котором кучка алчных оборванцев строит Стоунхендж по заказу компании «Гранада».

Здесь не так уж плохо, как может показаться на первый взгляд. С тех пор как телекомпания «Бордер» переманила Рона и Аманду в поселение эпохи Темных веков обещанием не заставлять спать в одном сарае с козами, тут остались только мы с Сидом. Старый Том Бойлер покинул нас еще на прошлой неделе. Он сказал, что в принципе не возражает быть Вулуком, вождем Дерзкого народа, но когда настоящий Вулук, вождь Дерзкого народа, ложился отдыхать после утомительного дня, проведенного с кремневым топором в руках, то у него (Вулука, вождя Дерзкого народа) не имелось чертова дизель-генератора на 250 лошадиных сил, ревущего снаружи промокшей дерновой хижины. И ряда дуговых ламп у него в спальне тоже не было!

Не сказал бы, что мне это мешает. Но что на самом деле не дает уснуть, так это регулярные глухие удары и сдавленные крики с соседней площадки, когда у них падает очередной монолит.

Но все не так уж плохо. Я научился делать довольно аккуратные кремневые отщепы, так что на следующей неделе на охоту пойдем мы. Правда, в затее с охотой появился оттенок нечестности – с тех пор как люди из «Гранады» вернулись с куском мраморной говядины и тремя цыплятами в пластиковом пакете. Мне это показалось немного странным, о чем я и сказал Сиду.

Кстати, Сид – большой дока в этом бизнесе. Год он провел на «древней ферме» при Сассекском университете, затем выпросил место в «Кельтском живом эксперименте» на Radio 3, после чего девять месяцев зарабатывал деньги на реконструкции Силбери-Хилл⁷. Он такой опытный, что может выбить медный браслет в мгновение ока, а когда дело доходит до охоты, он просто бежит на ближайшую ферму и угоняет оттуда корову.

⁷ Силбери-Хилл – 40-метровый искусственный (меловой) курган около Эйвбери в графстве Уилтшир, Великобритания. Внесен в список Всемирного наследия вместе с комплексом других неолитических сооружений, среди которых – знаменитый Стоунхендж. Это самый высокий из доисторических искусственных курганов в Европе и один из крупнейших в мире.

Впрочем, типы с телевидения закрывают на это глаза. Мы их вообще почти не видим, поскольку в палеолите не было ваннх комнат, а отхожее место сооружали прямо возле хижины. Так что они стоят в отдалении на дороге и снимают нас оттуда длиннофокусным объективом.

Но то, что Сид барыжит сигаретами в соседних деревнях, мне определенно не нравится. На днях я заглянул в его соломенный матрас – он битком набит блоками «Бенсон энд Хэджис»⁸, зубной пастой, шампунями и рулонами туалетной бумаги. Мне кажется, что это не соответствует духу наших занятий, но Сид сказал, что даже в древние времена торговля имела большое значение и что в деревне Бронзового века ему дают целый фунт стерлингов в обмен на рулончик «Андрекса»⁹.

...Что это было? А, да у соседей опять камень упал. Они определили уже двадцать семь способов, которыми нельзя было построить Стоунхендж. Нет, идти смотреть туда я бы не советовал. В своих экспериментах они потеряли уже пятнадцать жителей деревни, трех операторов и один блок внешнего вещания «Флага отплытия»¹⁰.

Спрашиваете, что находится там – в недостроенном лагере у пруда? Ну это «Эксперимент Юрского периода» ирландской телекомпании. О да, я знаю, что найти актеров ростом 30 футов с чешуйчатой кожей довольно непросто. Полагаю, им придется соорудить нечто вроде лошадей пантомимы¹¹, только в виде динозавров. Если вы понимаете, о чем я. Им *пришлось* взять Юрский период, поскольку все остальные эпохи уже расхватили другие компании.

Ого! Вот это грохот! Таким хижину снести можно!

В этот раз рухнул целый трилитон¹². Впрочем... все в порядке. Кроме социолога, никто не пострадал. Но вот прошлой зимой, когда мы не могли ходить на охоту, загадочно исчезла целая исследовательская группа из Кильского университета. Кстати, мой вам совет – не ешьте никаких сосисок из Бронзового века.

А теперь, прошу меня простить, я должен немного позаниматься керамикой...

ПРИМЕЧАНИЕ: К данному тексту приложена фотография палаточного городка в доисторическом стиле со стрелками и следующими надписями:

«Кто-нибудь видел, что я сделал с библиотечной книгой?»

«Господи, крысиный суп! Как я его обожаю!»

«Конечно, коза недовольна. Ты сидишь на ее месте».

«Я изобрел набор «Сделай друида сам!».

«Осталось всего пять месяцев, три недели и четыре дня».

«Прошу воспользоваться нашей навозной кучей».

«Эх, сейчас бы не помешал «Пойнтс Уэст»!¹³

⁸ «Бенсон энд Хэджис» (Benson and Hedges) – фирменное название дорогих сигарет компании «Галлахер» (Gallagher).

⁹ «Андрекс» – фирменное название туалетной бумаги компании «Скотт Пейпер» (Scott Paper).

¹⁰ «Флаг отплытия» («Blue Peter») – по названию синего флага с белым квадратом, поднимаемого перед отплытием судна) – телепрограмма информационного и занимательного характера для детей; передается BBC One с 1958 года.

¹¹ Лошадь пантомимы (есть также коровы пантомимы и другие животные) – театральное представление лошади или другого четвероногого животного двумя актерами в одном костюме.

¹² Трилитон (трилит) – один из видов неолитических памятников-мегалитов, представляющий собой три больших камня, установленные в виде ворот или врытые в землю параллельно друг другу.

¹³ Речь идет о книге Points West («Указывает на запад») американской писательницы Берты Маззи Синклер (1871–1940 гг.), писавшей романы, рассказы и сценарии об американском Старом Западе и повседневной жизни ковбоев.

Верхние Меги

1986 г.

Короткая история, которая потом выросла в «Бесконечную землю». «Верхние Меги» поначалу представляли собой небрежные наброски, что я писал от нечего делать после того, как отослал «Цвет волшебства» моему тогдашнему издателю Колину Смайту. Постепенно я начал представлять себе сюжет в мельчайших подробностях и даже хотел начать цикл коротких рассказов. Но пока я баловался с этой идеей, роман «Цвет волшебства» необъяснимым образом стал очень популярным и гораздо более успешным, чем любая из моих предыдущих работ.

Что оставалось делать скромному автору, перебивающемуся случайными заработками? Задумка «Безумной звезды» уже плясала у меня в голове и набирала ход, так что я не без сожаления отложил «Верхние Меги» в долгий ящик. Но я всегда питал надежду, что когда-нибудь этот рассказ станет основой для большой серии. И вот несколько лет назад он всплыл за блюдом с перепелиными яйцами на литературной встрече, где присутствовали мой американский литагент Ральф Вичинанца и Роб Уилкинс¹⁴. Мой энтузиазм неожиданно породился, и после обсуждения идей со Стивом Бакстером¹⁵, которого я всегда считал лучшим английским писателем в жанре «твердой» фантастики, началось новое путешествие.

Честно говоря, я даже рад, что так вышло. Получилось намного интересней.

Говорят, Даниэль Бун¹⁶ снимался с лагеря и уходил, если видел вдали дым чужого костра. Но по сравнению с Ларри Линсеем даже он мог показаться патологически общительным.

В этом мире появился кто-то еще. В *его* мире. Это было так неприятно – все равно что найти в супе чей-то ноготь. От одной мысли о чужаке на затылке шевелились волосы.

В соснах на вершине холма Линсей установил множество антенн. Во всех девственно чистых диапазонах радиочастот этого мира крошечная вспышка прибытия светилась кристальной чистотой. На миниатюрных дисплеях она выделялась, как Эверест на фоне кротовых норок. Только особые люди могли забраться так далеко в Верхние Меги: представители властей, например. В личном словаре Линсея слово «власти» было столь же многозначным, как некоторые старые китайские иероглифы, выражающие целый поток разных мыслей. Оно означало законы, предписания, налоги, допросы и вмешательство в частную жизнь. Вмешательство других людей. Наверняка это кто-то от властей, поскольку для того, чтобы попасть в Верхние Меги, нужны деньги. Обычно это настолько большие деньги, что собрать их в состоянии только власти. А еще люди не любят заходить в такую даль, где требуется по-настоящему тонкая настройка и где от ближайшего человека их отделяет несколько недель реального времени. Людям не нравится находиться далеко от других людей. Но существовали и иные причины. В Верхних Мегах миры были радикально *другими*.

Еще одна яркая вспышка. Теперь их *двое*. Линсею стало тесно.

Они наверняка с Передовой базы. Линсей ощутил раздражение. Только он ходит на Передовую базу, они к нему – никогда. Зачем же теперь им понадобилось его беспокоить? Линсей представил, как эти люди озираются по сторонам в изумлении, не в силах понять, где они

¹⁴ Роб Уилкинс – личный помощник и ассистент Терри Пратчетта.

¹⁵ Стивен Бакстер (род. в 1957 году) – английский писатель-фантаст.

¹⁶ Даниэль Бун (1734–1820) – американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев Соединенных Штатов Америки.

теперь. Третье правило выживания наверху гласило: держись подальше от точки своего прибытия.

Он взял ружье, прислоненное к «штурманскому» столу, и пошел через кустарники на разведку. Любой наблюдатель заметил бы, что Линсей предпочитал держаться в тени и покидал укрытие только в случае необходимости и на самое короткое время. Но никакого наблюдателя здесь не водилось. А если бы он был, то Линсей подкрался бы к нему сзади.

Большинство людей плохо помнят «Робинзона Крузо» и неверно представляют себе главного героя. Популярным стал образ веселого решительного человека с тягой к свободе, облаченного в основном в белье из козьей шкуры. Но когда на Передовой базе кто-то одолжил Линсею старый, потрепанный экземпляр книги, неожиданно выяснилось, что Робинзон Крузо, пробывший на острове больше двадцати шести лет, непрерывно возводил частоколы. Такой подход Линсею показался разумным: очевидно, голова у Крузо работала правильно.

В этих местах, примерно соответствовавших южной Франции (хотя Кулак исковеркал береговую линию так, что ее с трудом можно было опознать), стояло позднее лето. Тут не было россыпи кратеров, составлявших обычный пейзаж в нескольких десятках предыдущих Земель. Здесь, на самом верху, Кулак пронесся сквозь Европу и западную Азию аж до самого ядра, вызвав многочисленные выплески лавы. Должно быть, прошло несколько лет зимы, прежде чем воздух очистился от пыли. Когда атмосфера прояснилась, времена года стали радикально другими. Дуршлаг, в который превратилась Европа, оказался намного ближе к новому Экватору, но поскольку Земля еще колебалась, ледяные шапки распространялись быстро.

В это же самое время Человечество уже всю осваивало земледелие и ничего не заметило.

Стая рантелоп настороженно наблюдала за Линсеем. На этой Земле он не охотился – предпочитал отпрыгивать вниз. Тем не менее местной фауне он внушал тревогу. Здесь водились даже приматы, не до конца уничтоженные Кулаком и сумевшие пережить зиму. Некоторые бабуины в этих краях были отменными охотниками.

Самец бабуина, которого Линсей окрестил Большим Инем, прямо сейчас наблюдал за ним с насеста на скале. Линсей весело помахал ему рукой. Большой Инь заметил в его руках винтовку и не стал махать в ответ.

Человек полз осторожно, прячась за ненадежным выступом из застывшего вулканического стекла. Он двигался так, будто все представления о скрытности получил из приключенческих фильмов. В руке человек держал небольшой пистолет. Вряд ли это оружие обладало значительной убойной силой. Тем не менее в своем мире Линсей не одобрял даже такого.

Он выстрелил в камень в нескольких футах от головы мужчины и сказал:

– Бросай сюда пистолет!

Мужчина во все глаза уставился на говоривший с ним куст. На лице его последовательно отобразились шок, паника и, наконец, смирение.

– Пистолет, – повторил Линсей.

Он внимательно разглядывал пояс мужчины: конечно же, правительственного образца, но облегченного типа. Значит, этот человек мог подняться сюда только из Передовой базы.

– Хорошо, куст, – ответил мужчина.

Он бросил пистолет в сторону Линсея и медленно потянулся руками к...

Ухо мужчины задело осколком камня, когда еще одна пуля чиркнула по вулканическому стеклу.

– И пояс, – скомандовал куст.

– Ты же Ларри Линсей, – пробормотал мужчина. – Говорят, ты упертый параноик... только без обид.

– Какие тут обиды! Пояс отстегивай. Очень медленно.

Руки зашевелились медленно и осторожно.

– Думаю, ты меня не знаешь. Мы никогда не встречались. Я Джошуа Валиенте. Охранник с Передовой базы.

Мужчина вздрогнул, когда Линсей возник рядом с ним. Приближаться к кому-то через соседний мир – это довольно старый, но всегда эффектный трюк.

Валиенте вдруг понял, что не может оторвать взгляд от серо-голубых глаз, в которых не было ни капли жалости. «Этот гад действительно может выстрелить, – подумал он. – Забудь про свой пистолет. Здесь, наверху, где больше никто никогда не появится, ему ничего не стоит тебя убить. И даже труп хоронить не придется».

– Докажи, – приказал Линсей.

Валиенте пожал плечами, стараясь, чтобы жест не выглядел агрессивным.

– Я не могу.

– Все настоящие охранники носят маленькие пластиковые карточки, – напомнил Линсей. – С фотографиями самих себя на случай, если забудут, как они выглядят.

– Только не в свободное от дежурства время. Можно мне встать?

Линсей отступил назад. Возможно, это означало «да», но Валиенте решил не рисковать.

– Нет больше никакой Передовой базы, – сказал он как можно спокойнее. – Сама станция, конечно, осталась, но все люди на ней мертвы.

Он замолчал, ожидая реакции. Но с таким же успехом можно кидать камни в лужу патоки – на лице Линсея не дрогнул ни единый мускул.

– Ты ничего не хочешь сказать? – спросил Валиенте.

– Нет. У меня оружие. Говорить будешь ты.

– Ладно, сволочь бездушная. Их всех отравили. Помнишь источник, из которого они брали воду? Кто-то влил туда яд. В тот день я был на охоте, а когда вернулся, то увидел *ее*. Она ломала оборудование, а потом стала *двигаться*. Я гнался за ней по пятам, пока не засек твой маяк.

Некоторое время Линсей изучал его лицо.

– Время от времени я спускался на Базу, – сказал он. – Но тебя там никогда не видел. Я даже не знал, что у них есть охранники.

– Я прибыл только три недели назад.

– Вижу, как ты справился с обязанностями.

– Слушай, она где-то *здесь*. И если мы будем торчать тут весь день, она окажется по другую сторону траектории.

Погоня длилась почти четыре дня. Для начального импульса убийца воспользовалась генератором базы, но охранник оказался достаточно сообразительным, чтобы запитаться от запасных заряженных батарей. Это привело к перевесу, правда, ненадолго. Через три тысячи альтернативных Земель протянулся след из использованных батареек после серии умопомрачительных *перемещений*, истощивших запасы энергии и заставивших охранника кружить по нетронутым ландшафтам. Жаль только, с поясом не повезло. Можно было взять либо одну из более прочных моделей, разработанных специально для Верхних Мег, либо найти дополнительные батареи и рюкзак под них. Но ни на то, ни на другое времени не хватило.

А ведь надо было еще что-то делать с телами. Этот яд не отличался изысканностью и действовал медленно. Пришлось ждать.

Охранник был не очень опытен в *перемещениях*, но кое-что знал твердо: во время переключения между альтернативными мирами нельзя оставаться неподвижным. Ведь преследуемый может запросто ждать тебя в той точке, откуда ты начал движение, и тогда ему даже не придется стрелять. Хватит тяжелого камня.

Чтобы избежать такого, приходилось постоянно приседать, отскакивать и перебегать, а иногда идти на риск, перепрыгивая через два-три мира за один раз. Время от времени они

спали – как можно дальше друг от друга. Достать мясо было легко, гораздо труднее приготовить. А однажды, переместившись, они оказались в нескольких футах друг от друга – почти спина к спине. Оба выстрелили и одновременно отпрыгнули в сторону, так что две пули унеслись друг от друга над пустынным ландшафтом, оставшись, по-видимому, единственными в том мире созданными человеком артефактами.

«Ты не обязан этого делать, – твердил охраннику здравый смысл. – Тебя никто не принуждает, тебе не будут платить. Зачем играть в доблестного пограничника? Даже если ты ее поймашь, как ты собираешься вернуться? В лучшем случае на это уйдут годы». Но здравый смысл уперся в метафорическую стену совести. «Потому что на базе жили пятеро детей, младшему из которых было три года. Нейропаралитический яд убил их не сразу. Они еще дышали, когда я их нашел».

Поэтому он продолжал мчаться сквозь миры, отслеживая убийцу и уклоняясь от засад, даже не замечая постепенно множасьшихся микроскопических изменений. Вплоть до Верхних Мег.

Датчики Линсея зафиксировали две вспышки. Вторая гостья лежала в кратере в полубессознательном состоянии. Даже отсюда он видел, что она одета в базовый пояс с ограниченной функциональностью. Наверное, перемещаться в таком – все равно что прыгать в колодезь.

Ее пистолет валялся в стороне. Линсей поднял его и сунул в карман и лишь затем занялся осмотром женщины. Она была одета в красный комбинезон – довольно уродливый, зато с множеством карманов. Самая практичная одежда для *перемещений*, поскольку переносить здесь можно только то, что получится унести на себе. Человек субтильного телосложения был способен перемещаться с шестьюдесятью фунтами¹⁷ груза, пока не начинали разряжаться аккумуляторы. В большинстве карманов женщины не было ничего, за исключением нескольких неисрасходованных батареек. Сняв с нее пояс, Линсей перекинул его через плечо. На второе плечо он взвалил женщину. Наверное, это неправильно, но, кажется, явных переломов не было. А если и были – ей придется потерпеть.

В четверти мили от них сидел привязанный к дереву Валиенте и наблюдал за стаей сверхбабуинов. Судя по палкам в их руках, они уже освоили идеи дубины и молотка и, судя по всему, были готовы приступить к трепанации и потрошению. Один из них внушал наибольшую тревогу – крупный поджарый зверь с разорванными ушами и желтыми глазами, узкими и мстительными, как ворота ада. Бабуин сидел на камне подобно горгулье и просто смотрел.

Пуля взметнула фонтанчик пыли у подножия скалы. Сверхбабуин повернул морду на восток и беззвучно зарычал, обнажив ряд желтых, похожих на ножи зубов. Затем он исчез, неуклюже шмыгнув в кусты, и вся стая последовала за ним.

Линсей появился с телом женщины на плече. Развязывая веревку – чрезвычайно ловко, как не мог не заметить Валиенте, – он ни на секунду не опускал направленное на охранника ружье.

– Они могли меня убить.

Линсей отступил на шаг.

– Запросто, – кивнул он. – Большой Инь быстро учится. Наверное, однажды мне придется с этим что-то делать.

– Лучше всего начать прямо сейчас.

– Возможно, я питаю к нему слабость.

Валиенте не мог в это поверить. Даже слабости Линсея наверняка крепче алмазов.

¹⁷ Примерно 27 кг.

– Он единственный в своем роде. Я обходил все соседние миры и везде наткнулся на одну и ту же стаю. Только без Иня. Может, он мутант. Может, один из тех бабуинов, что «унаследуют землю».

С этим ружьем определенно было что-то не так. Оно напоминало стрелку компаса: без всяких видимых усилий Линсею удавалось держать его направленным строго на Валиенте.

– Зачем такие предосторожности? – спросил Валиенте. – Даже если ты мне не веришь, мой пистолет все равно у тебя.

– Просто шагай.

Бесчисленные Земли. Говорят, их даже больше, чем может сосчитать компьютер.

Трудно объяснить, что это такое, не обратившись к идее свернутых вселенных и теории квантовых пакетов. Еще труднее было донести до телезрителей принцип работы поясов. «Мультимплексная Вселенная подобна листу каучука» – кто такое поймет? Другое дело – аналогия с колодой карт. Большинству людей она гораздо ближе. В общем-то Вселенная и есть огромная колода трехмерных карт. Пояс позволял перемещаться по колоде вверх и вниз, как бы протыкая составившие ее карты.

Собрать пояс было легко. Но пользоваться им без предохранительных устройств мог только отчаянный человек. Впрочем, во всем мире таковых нашлось немало. Чтобы сделать пояс своими руками, требовался транзисторный радиоприемник (на который можно легко заработать с помощью вазэктомии¹⁸), около ста метров медной проволоки да слепая вера в то, что при *перемещении* ты не окажешься внутри дерева.

Но оно стоило того. Соседние Земли были идентичны, разве что какие-то мелкие детали различались. Калифорния первой основала колонии численностью до нескольких тысяч человек. Ближайшие стали развиваться такими темпами, которые казались безумными даже по калифорнийским меркам. В том, что осталось от СССР, сотрудники госбезопасности прочесывали ближайшие миры в поисках прежних сотрудников госбезопасности.

Человеческий мир был переполнен, но вся остальная Вселенная оказалась пуста. Наступил золотой век экономики. Перебраться в другой мир стало не сложнее, чем выйти на прогулку с семьей.

Ну и, конечно, нашлись люди, которые не могли с этим смириться.

Лагерь Линсея располагался в небольшой ложине на южном склоне холма. Он представлял собой небольшую палатку и чуть более капитальный навес, под которым хранились инструменты. Ну и, конечно, имелся частокол. Он был невелик и невысок, но тонкая красная проволока, опоясывавшая его сверху, обеспечивала Робинзону Крузу достаточное уединение.

Снаружи палатки стояла небольшая солнечная электростанция, возле которой лежал ряд аккумуляторов. Здесь же находилась и самая обычная клетка с белыми мышами.

Линсей зашел в палатку и уложил бесчувственную женщину на кровать. Когда он выбрался наружу, Валиенте уже сидел возле тлеющего костра. Близился вечер.

– Почему она потеряла сознание? – спросил Валиенте.

Поставив калитку на место, Линсей накинул сверху красную проволоку.

– Ни у тебя, ни у нее нет подходящего пояса для Верхних Мег, – сказал он.

– Это и есть ответ?

Линсей обернулся.

– Конечно. Обычный пояс только предохраняет от попадания внутрь чего-то более плотного, чем воздух. Нижние Земли так похожи, что большего и не требуется. Не нужно беспо-

¹⁸ Вазэктомия – стерилизация мужчин хирургическим путем.

коиться о почве под ногами. Она всегда на месте. Но там, куда переместилась эта женщина, Кулак выбил кусок земли.

– Кулак?

– Ты разве не заметил кратеры?

– Ну да, мне показалось, что земля стала неровной.

Линсей взглянул на клетку с грызунами. Мышь, пристегнутая к маленькому ременному модулю поверх блока аккумуляторных батарей, способна доставить сообщение к Передовой базе за шесть часов. Но может ли она достичь нижних миров? Это займет неделю, возможно, десять дней. Ей понадобятся корм и вода, а это... скажем, еще пара батарей. Плюс многополосный радиомаячок, а это еще один аккумулятор. Плюс еще четыре аккумулятора, чтобы хватило энергии для перемещения дополнительных батарей. Плюс... ладно, забудем об этом...

– Ты вообще человек? – продолжил говорить Валиенте. – Мне говорили, что ты равнодушный тип, но когда слышишь о смерти пятидесяти человек, можно же как-то реагировать, в конце концов? Хотя бы сказать «какой ужас!» или что-то в этом роде.

– Хочешь кофе? – спросил Линсей. – Есть только черный.

– Что?

От усталости и гнева Валиенте начало колотить.

– Ты позаботился о козах?

– *Что?*

– На Передовой держали стадо коз. У меня самого никогда не хватало терпения заманить их в ловушку. Думаю, коз нужно регулярно доить. Но ты, по крайней мере, мог выпустить их из стойла.

Лицо Валиенте сделалось непроницаемым.

Линсей сел перед ним на бревно и засунул руку в карман комбинезона. Затем принялся говорить медленно и рассудительно, как с ребенком:

– Какое тебе дело до моих чувств? Боюсь, ты не понял самого главного: ты не должен ненавидеть меня, ты должен думать. А думать тебе надо примерно следующее: «Когда он спросит, почему у *нее* в кармане оказался аккуратный маленький пропуск с ее фотографией, на котором указано, что она офицер службы безопасности Института Трансземной экологии, то что я ему отвечу в течение оставшихся мне тридцати секунд?»

Раздался щелчок взводимого курка, и в следующую секунду Валиенте увидел перед собой дуло пистолета старинной конструкции. Откуда-то из глубин памяти всплыли рассказы о том, что первопроходцы трансмира предпочитали оружие с боеприпасами на черном порохе, потому что их было легче изготовить в походных условиях. Они были маломощными и страшно дымили, но на таком расстоянии даже одна кувыркающая пуля создаст немало беспорядка в голове.

– Двадцать семь секунд, – напомнил Линсей.

– Ты не станешь в меня стрелять, не дав возможности объясниться.

– Хочешь проверить? Двадцать четыре секунды.

– Ну конечно, у нее есть пропуск. Она прибыла на Базу вместе со мной. Ее внедрили националисты. Слушай, ты вообще в курсе, что творится внизу?

Где на самом деле находилась Земля Обетованная, которую Бог даровал Моисею? Где *точно* расположена Америка? Если Англия – это земля англов, то как назвать те бесконечные незаселенные страны, с которыми она граничит через *перемещения*? Ступала ли в незапамятные времена на бескрайние зеленые пастбища нога человека? И если да, то на какие именно?

Оказалось, что все это имеет значение. Столкнувшись с нескончаемым пиршеством, юристы всего мира принялись спорить об определениях. Например, Америка – это же просто идея. Следовательно, все, кто считает себя американцами, в любом мире остаются под юрисдикцией США. В подтверждение данной точки зрения был выдвинут целый ряд глубоко обос-

нованных и даже фотогеничных аргументов, главная суть которых сводилась к следующему: никаких мексиканцев не существует. С другой стороны, во всех новых мирах имелись еще не освоенные ближневосточные нефтяные месторождения, следовательно, нельзя было считать справедливой систему, которая позволит Саудитам монополизировать всю нефть во Вселенной.

Возникла и еще одна неожиданная проблема. Пояс не перемещал в сторону, но возможность выйти в соседний мир и проникнуть через него внутрь банковского хранилища приводела в азарт многих людей. Службам охраны банков потребовалось немало времени и фантазии на то, чтобы закрыть эту уязвимость.

Чтобы обсудить возникшие разногласия, лидеры ведущих стран мира провели саммит, который длился несколько дней и закончился составлением четырнадцатистраничного документа, получившего известность как «Боковая доктрина». Документ состоял из двух частей. В первой постулировалось, что изначальная Земля – с атомами Цезаря, Христа и Мао – священна и границы ее неприкосновенны.

Содержание второй части сводилось к двум фундаментальным правилам: каждый может забрать себе все, до чего сумеет дотянуться; каждый может удержать за собой то, на что у него хватит сил.

– Как они себя называют? – спросил Линсей.

– «Бесконечная Франция», – ответил Валиенте.

– Но это же незаконно. Нельзя претендовать на границы страны до бесконечности. Даже евреи себе такого не позволяют.

– О сумасшедших следует знать только то, что они сумасшедшие. Но, я думаю, за ними стоят какие-то хитрые люди.

– И чего они добиваются?

– Власти и денег – как всегда.

– Черт, – вздохнул Линсей, – это же миллиарды миров...

– Семнадцать.

– Не понял?

– Я про выделенные мне полминуты. Ты уже опоздал на семнадцать секунд.

Валиенте указал на пистолет.

Линсей посмотрел на оружие так, будто увидел впервые.

– Ладно, пока попробую тебе поверить, – сказал он.

– Отлично. Можно я приготовлю что-нибудь поесть?

– Я сам. Возможно, я и доверяю тебе, но не настолько.

На ужин Линсей предложил маленькие кислые фрукты. А еще прекрасно приправленное тушеное мясо, о происхождении которого Валиенте предпочитал не думать...

В окружающем пейзаже определенно было что-то неприятное. Валиенте вспомнил цветущую природу вокруг Передовой базы возле притока того, что нельзя было назвать Роной – скорее идентичной рекой, протекающей в том же самом месте.

Но в здешнем ландшафте преобладали желтые и коричневые цвета, а река превратилась в заиленную долину с редкой цепочкой чахлах деревьев, возможно, указывавших на места, в которых еще оставалась влага. Стоял сильный зной. Валиенте когда-то бывал в Африке, но это была не Африка, а скорее затянувшееся европейское лето.

– А что за Кулак? – спросил он. – Комета?

Линсей посмотрел на него задумчивым взглядом.

– Хорошее предположение, – ответил он. – Но неверное. Это был железоникелевый астероид. Очень большой. По-настоящему большой. Больше, чем тот, от которого образовался Канадский щит. Но он распался еще до удара. Сюда залетели только осколки, но даже они на долгие годы испортили погоду. Скорее всего, тут теперь есть сухопутный мост в Африку.

– И когда это случилось?

– Десять или пятнадцать тысяч лет назад. Катастрофа оставила следы во всех здешних мирах. Дальше последствия хуже. Этот мир еще сравнительно легко отделался.

Валиенте присвистнул.

– Вот паразит... – пробормотал он.

– Не совсем так. Астероиды не имеют разума. Он просто случился.

– Я имел в виду...

– Люди – вот худшее, что могло произойти с миром, – перебил Линсей. – Мы такая же случайность, как астероид. Один шанс на миллиард.

– Да ладно тебе! На многих мирах возле Земли нашли человеческие артефакты: кремневые инструменты и всякое такое...

– Вряд ли человеческие. Владельцы этих инструментов не знали огня. Ни в одном из миров не найдено кострищ. Такова реальная картина: десять миллионов темных планет и только одна, освещенная со всех сторон.

– Значит, теперь мы расплзаемся...

– Ага, как плесень.

Валиенте вдруг осознал, что Линсей – левоухий. Он многих таких повидал: глаза их слегка стекленели, они прилипали взглядом к вашему левому уху и начинали излагать истины о летающих тарелках, великом мировом заговоре или несли религиозную чушь.

Наверное, внутри каждого из нас сидит такой левоухий человек, только и ждущий возможности выбраться наружу.

Отсюда Валиенте во всех деталях видел пояс Линсея. Он был более громоздким, чем любые другие, и, судя по броскому виду, собран своими руками. Но он был не похож на те устройства, которые мог бы собрать любой крестьянин из деталей старых машин по купленной на черном рынке инструкции – копии, снятой с плохой копии, – да и к тому же, скорее всего, неправильной. Пояс Линсея выглядел так, как мог бы выглядеть серийный автомобиль, доработанный крутым автомобильным инженером.

– Это ты сделал, – тихо сказал Валиенте. – Ты изобрел пояса.

– Нет. Их изобрел Лайдер.

– Хорошо. Но ты их усовершенствовал. Я видел ранние образцы. Они были похожи на бочки. А ты развил принципы. И не стал заявлять на них права. Лайдер изобрел пояса, а ты подарил людям миры.

– С тех пор было много усовершенствований.

– Ага, усовершенствований в *твоей* базовой конструкции. В основном прибамбасы для красоты. Но почему ты ощущаешь вину?

– Вину?

– Ну ты же скрываешься здесь, как Джон Уэйн¹⁹ или капитан Немо, выполняешь грязную работу для мелких исследовательских групп. Что это? Добровольное покаяние за то, что открыл злему человечеству дверь в невинные доверчивые измерения?

Линсей рассмеялся и закурил сигару. Валиенте уже успел заметить небольшую табачную плантацию внутри частотола.

– Человечество на самом деле не злое. Чтобы стать злым, надо обладать известным достоинством. Нет, я пришел сюда, чтобы найти покой. Ты говоришь, я подарил людям миры. Но что они с ними сделали? Вся дутая экономика немедленно затрещала по швам, все перессорились со всеми, начались войны за территории – заметь, когда земля стала бесконечной, – дошло даже до настоящего голода и... Да кому я рассказываю! Ты и сам знаешь.

¹⁹ Джон Уэйн (1907–1979), прозвище Duke (с англ. – «герцог») – американский актер, которого называли «королем вестерна». Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.